

МАРИЯ НИН | ОЛЬГА ТАН

A photograph of two women from behind, wearing traditional Japanese clothing. The woman on the right has her hair styled in a bun with a white flower tucked through it. The woman on the left is wearing a red collar. The background is a soft, out-of-focus outdoor setting.

КЛАН ЮЙ: ПОДДЕЛКА

Ольга Тан
Клан Юй: Подделка

«Автор»

2026

Тан О.

Клан Юй: Подделка / О. Тан — «Автор», 2026

"Дождливые ночи лучше всего подходят для убийств". Хуайчен — город холодных дождей, где правят кланы и деньги. Она стала тенью его мертвой невесты... Ее задание — стать слабостью главы клана Юй. Стать идеальной копией его мертвой невесты. Подделкой. Он — глава клана Юй, Юй Хань. Холодный, как нефрит. Привык всё держать под контролем и не умеет выражать чувств. Она становится отражением его мёртвой невесты. Те же духи. Та же улыбка. Тот же смех. Он не может устоять — она слишком похожа на ту, кого он потерял. «Вы врётё, — сказал он. — Но я не знаю, в чём». Она врёт ему каждый день. Но когда он смотрит на неё, она начинает верить в свою ложь. Азиатский нуар. Клановые интриги. Медленное развитие отношений. Альтернативный мир Китая эпохи Китайской республики и атмосферы Гонконга 1920-х годов.

© Тан О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пролог	5
Глава 2. Приют	9
Глава 3. Клетка	13
Глава 4. Сунь Лань	18
Глава 5. Три года	25
Глава 6. Храм	28
Глава 7. Экзамен	34
Глава 8. Первые встречи	37
Глава 9. Сближение	43
Глава 10. Исчезновение и проверка	50
Глава 11. Старый знакомый	53
Глава 12. Ревность	58
Глава 13. Мир на двоих	64
Глава 14. Сестра Си	68

Ольга Тан, Мария Нин

Клан Юй: Подделка

Глава 1. Пролог

Десять лет назад

Дождливые ночи лучше всего подходят для убийств. Грозовые раскаты глушат звуки выстрелов, а вода смывает кровь без следа.

В Хуайчене дождь шел уже третьи сутки. И третьи сутки длился передел города.

Старый особняк клана Цзян на северном склоне холма, двухэтажный с черепичной крышей – был распахнут настежь. Резные ворота с выщербленными иероглифами – изрешечены пулями, створки свисали на одной петле, выбитые ударами прикладов. Внутри ярко горел свет. Отряд зачистки выносил вещи и сбрасывал тела в одну большую кучу посреди двора.

Сорванные ветром бамбуковые жалюзи мокли в грязи. Дождь стекал по карнизам, смывая красную бумагу благословений с дверей – в эту ночь ни одно из благословений не спасло дом семьи Цзян.

Цзян Си забилась под крыльцо за четверть часа до того, как все началось. Мать успела только дернуть ее за руку, сжав пальцы так, что хрустнули костяшки, и прошептать: – Беги, Си-Си! Не оборачивайся! Играем в прятки! Мама догонит...

Но она не побежала – забилась в щель между землей и деревянным настилом, под старое крыльцо пристройки, где пахло сыростью, было темно и тесно.

Она зажала рот ладонью, обняв игрушку. Сначала ее напугали крики: хриплые, рваные. Ей казалось, что она слышала голос деда, дяди, отца, но они никогда еще не кричали так страшно.

Потом – выстрелы и раскаты грома. Она каждый раз вздрагивала, зажимая уши руками. Хлопки были сухими, короткими, но после каждого такого хлопка кто-то переставал кричать.

А потом пришла тишина, наполненная только шумом дождя и капающей с крыльца водой и эта тишина пугала ее еще больше.

А потом она увидела сапоги. Черные, блестящие от воды и грязи.

Они приближались к ее убежищу. Шаги звучали все ближе. Ближе. Она зажмурилась и сжала панду до боли в пальцах. Сапоги остановились совсем рядом – к пристройке подошли двое.

Молния полыхнула, и мир на секунду стал белым. И она увидела лица.

Юй Хань стоял под черным зонтом и смотрел, как обирают трупы. С кровью вырывают серьги из ушей, скручивают кольца с посиневших пальцев. Каждая новая вспышка молнии, как отпечатавшийся в памяти кадр – лица мужчин, женщин, детей. Они лежали в грязи, сваленные в кучу, как попало. Красное смешивалось с черным, дождь смывал кровь в ручьи, которые текли вниз, к реке.

Юй Хань опоздал.

Он приехал сюда, как только смог сбежать. Чтобы предупредить: «Клан Юй нарушил слово, договор не стоит бумаги. Вам нужно бежать». Но когда он прибыл, все было уже кончено.

Он – опоздал.

– Ты вовремя, – сказал Второй, выходя из тени крыльца. Его голос звучал странно легко, почти игриво. – Трупов слишком много.

Плащ второго наследника клана Юй был распахнут, воротник залит чем-то темным. Он медленно и методично вытирал лезвие о полу пиджака, изредка поворачивал голову, прислушиваясь, и проводил языком по губам, пробуя вкус воздуха.

Юй Хань крепче сжал ручку зонта.

– Зачем? – спросил он очень спокойно. – Цзян уже отдали нам землю. Отец сказал – напугать, но не убивать. Мы договорились

Второй остановился и посмотрел прямо на него – глаза с расширенными зрачками, но хищный взгляд сфокусирован. И вдруг рассмеялся – коротко и тихо.

– Договорились? – переспросил он, подходя ближе. Не замахнулся, просто положил тяжелую ладонь на плечо Юй Ханя и тихо надавил, впиваясь пальцами. – Отец не говорил «да», но и не говорил «нет». Земля уже наша, а ты пришел с пустыми обещаниями. В нашей семье слово не дают, его покупают или забирают силой. Запомни это, прежде чем снова откроешь рот.

Юй Хань молчал.

– Останься здесь и проверь флигель. Найдешь живых – пристрели, – прошептал Второй, наклонившись к его уху. – Не сможешь – не мешай, иначе младший сын отца сегодня может не вернуться с зачистки.

Он резко стряхнул чужую ладонь с плеча.

– Трупы – в родовой зал. Пусть вся семья Цзян соберется, и сгорит вместе с родовыми табличками. Это – цена твоего слова – Второй ушел смеясь.

Юй Хань двинулся к пристройке. Замедлил шаг и замер – сквозь шум дождя услышав странный звук.

Всхлип. Тихий, почти неразличимый. Мелькнуло что-то белое в щели под крыльцом. Там, за грудой мешков с углем – две точки. Круглые. Черные глаза-виноградины.

Ребенок. Девочка в платье, лет шести. Она сидела, сжавшись в комок, прижав к себе мокрую игрушку. Одно ухо панды она засунула в рот и сосала, не издавая ни единого звука. Волосы мокрые, лицо белое, как мел. Она смотрела на него. Не плакала, не звала на помощь. Просто смотрела.

Юй Хань замер. «Она все видела».

Цзян Си не дышала. Она вжала подбородок в колени и зажмурила глаза, чтобы спрятаться. Сапоги остановились в шаге от нее, хлопнула вода.

Молния снова полыхнула. Она увидела черные волосы, прилипшие ко лбу, темные глаза. Страшный человек смотрел в щель – прямо на нее. Не моргая и не дыша.

Она тоже не моргала. Просто смотрела в ответ, зажав ухо панды во рту, прикусив изо всех сил, и ждала.

Из дома вышли еще трое. Черные длинные тени на фоне горящих фонарей, тянулись к ней по земле, как когти.

– Третий мастер, вы в порядке? У вас все чисто? – спросил один, подходя ближе.

Сапоги остановились у самого края ее укрытия. Человек с пустым взглядом наконец перестал смотреть на нее и медленно повернулся к своим.

Юй Хань поднялся с земли, и быстро передвинулся так, чтобы загородить собой щель под ступенями.

– Третий господин? – переспросил охранник.

– Здесь никого, – сказал Юй Хань спокойно.

– Мы еще не проверили пристройки

– Я сказал – здесь – никого, – он сделал шаг к крыльцу и поднял зонт. – Проверьте дом, – приказал он.

Трое в брезентовых плащах ушли. Юй Хань подождал и оглянулся – никто не смотрел. Пнул мешок – тот, что лежал ближе всего к щели. Не резко, а так, будто случайно задел ногой. Мешок съехал в сторону, загородив вход – девочка исчезла из виду.

Цзян Си смотрела сквозь щель, как тот-кто-ее-видел развернулся. Поднял зонт, встряхнул – капли полетели во все стороны, и потом ушел, не оглядываясь.

Она смотрела ему в спину и жевала ухо панды, тихо поскуливая от ужаса.

Она вылезла из-под крыльца, когда шаги затихли. Ноги затекли и не слушались. Дом был открыт, дверь висела на одной петле. Внутри – темнота, наполненная запахом железа и дыма. Все правое крыло особняка и родовой зал полыхали огнем.

– Мама? – позвала она осторожно, не решаясь шагнуть. Стояла на пороге, прижимая к себе панду, и смотрела на разбитые чашки на полу. Осколки белого фарфора, с нарисованными птичками – любимый мамин сервиз. – Мама Мама! Где ты! – крик вырвался сам, отчаянный и тонкий.

– Девочка? Жива? – Голос женщины из-за спины прозвучал мягко, но странно ровно, без дрожи и паники.

Ее тут же подхватили на руки. От женщины пахло благовониями и лилейником, как в дедушкином саду, а ещё – спиртом, как в больнице. Зонт над головой был большим и безупречно белым.

– Все хорошо, теперь все хорошо, – прошептала женщина, и ее пальцы, сжимавшие Цзян Си, были крепкими и ледяными, как тиски. – Твоя мать ждет. Мы сейчас уйдем отсюда.

Цзян Си выпустила игрушку и крепко обхватила чужую шею руками – не отцепить. Уткнулась носом в теплую мягкую ткань чужого ципао и когда ее сухо похлопали по спинке разрыдалась.

Он вернулся за ней на рассвете.

Дождь уже кончился, небо было серым, тяжелым и тусклым. В воздухе пахло гарью и жженым мясом. Родовой зал дома Цзян и половина построек сгорели дотла. От почерневших обугленных балок поднимался тонкий, едкий дым от которого щипало глаза. От крыльца, под которым прятался ребенок, остались одни головешки.

Юй Хань стоял на пепелище. Смотрел на дымящиеся угли. На черные бревна, которые еще шипели от утренней росы. На кучу золы там, где вчера была крыша.

Он обошел дом. Каждый угол. Каждую комнату – то, что от них осталось. Стены, которые еще держались, но внутри – пепел и пустота. Он искал ее. В сарае, в подвале. В саду за домом. Девочки не было.

Он нашел только игрушку.

Маленькую мятую панду с оторванным ухом. Она валялась в доме, у самого входа, в луже грязной воды. Юй Хань поднял ее, осторожно разгладил мокрый мех, липкий от сажи. Его шатало от температуры, холода и открывшихся ран на спине. Он сунул игрушку во внутренний карман пиджака.

Сделал шаг назад, и что-то хрустнуло под ногой. Под слоем свежей золы лежала треснувшая пополам обгоревшая родовая табличка. Он осторожно, почти нежно сгреб пепел, и прочел имя – «Цзян». А потом медленно опустился на колени и сделал один глубокий поклон в сторону родового зала, коснувшись лбом пепла.

Он не просил за себя – это бессмысленно. И не просил прощения – такое не прощают. Юй – виновны. Он просил за нее. Он не верил в богов, будущие жизни и прошлые, но сегодня первый раз ему захотелось поверить. И попросить. Чтобы благословений, накопленных умершими предками рода Цзян, хватило бы, чтобы сохранить в живых одного единственного ребенка.

Он встал, тяжело опираясь на трость, которую нашел в саду. И пошел прочь, не оглядываясь.

Вязкую серую пелену тумана разрезал протяжный гудок парохода над Хуанпу. Тяжелый низкий звук плыл в воздухе, тихо угасая.

Над Хуайченем поднимался новый беспощадный день.

Глава 2. Приют

Закрытый «особый» приют «Тихая заводь» располагался на южной окраине Тайпина, за линией трамвайных путей, где кончалась бывшая французская концессия и начиналась зона старых складов. Внешне – неприметное двухэтажное здание из серого кирпича, с облупившейся краской на ставнях и покосившейся черепицей на крыше. Когда-то здесь был чайный дом, потом гостиница, теперь – пристанище для девочек, у которых не было ничего своего.

Даже имени.

Чень Си не помнила, как попала сюда. Только – дождь и холод. Ей сказали – она долго болела, прежде чем пришла в себя. Высокая температура держалась больше двух месяцев. «Шок и переохлаждение», – говорил врач в белом халате, пахнувший карболкой. «Воспоминания сторели от температуры», – шептались воспитательницы за дверью. Этого она тоже не помнила – ей рассказали. Все, что было до шести лет, просто стерлось из памяти.

Имя «Си-Си» ей дали, потому что это единственное, на что она случайно отреагировала – дрогнула, когда медсестра позвала так ребенка в соседней палате.

А иероглиф «Чень» выбрала старшая сиделка, потому что он значил – «прошлое». «Чень», как «прошлое, которое нельзя вернуть». Разве может быть лучшее имя для ребенка, потерявшего память?» – смеялась она, в восторге от собственной оригинальности.

Чень Си не смеялась. Она просто кивала. Так она – безымянная, стала Чень Си. «Си», как «прилив, который приходит на закате». И «Чень» – как «прошлое».

Ушедшая красота вечерней воды, которую больше никогда не вернуть.

Когда ей исполнилось тринадцать, она первый и последний раз попыталась сбежать, ничего не планируя заранее.

Просто встала ночью, когда воспитательницы уснули, и вылезла через окно прачечной. Добралась до трамвайной остановки, села в первый вагон с деревянными скамьями. Думала, что если уехать достаточно далеко, приют ее забудет.

Ее нашли через шесть часов.

Билет стоил больше, чем у нее было монет в кармане. Кондуктор в форменной фуражке высадил ее на конечной, у депо, где пахло мазутом и влажным углем. Там ее уже ждали – двое мужчин в черных кожаных плащах и фетровых шляпах. Они не представились, ничего не объяснили. Просто взяли за локти – крепко, до синяков – и повели обратно.

В тот вечер в приюте ей показали, что означает «цена побега», и «что бывает с теми, кто нарушает правила». Ее отвели в холодную кладовую на первом этаже.

Там, среди ледяных блоков и ящиков с чаем, на полу лежало тело. Девушка лет восемнадцати, в хлопковом голубом ципао. С застывшим взглядом в потолок и тонкой красной нитью на шее. «Канарейка, которая решила спеть не ту песню», – сказала воспитательница, запирая дверь. Чень Си, дрожа, забилась в самый дальний угол, подальше от остывшего тела. Она не плакала – бесполезно, слезы еще ни разу ей не помогли, и не кричала. Приют – это место, где тебя никто не слышит.

Чень Си провела рядом с ней ночь. И больше никогда не пыталась сбежать.

«Она» появилась в приюте, когда Чень Си исполнилось четырнадцать.

Женщина в черном шелковом ципао, с седыми прядями в гладко зачесанных волосах, собранных в низкий пучок, скрепленный нефритовой шпилькой. С холодными глазами, которые смотрели оценивающе и жестко.

«Она» входила в общую комнату, и вместе с ней на столе появлялись: тяжелая серебряная пепельница, пузатый глиняный чайничек и метроном. Тягучий горьковатый запах лилей-

ника смешивался с пряной терпкой коричной сладостью Жоу Гуя. Запах был дорогим, чужим. Совсем не уютским.

– Ее зовут Линь Юэ, – прошептала воспитательница, опуская взгляд. – Не перечь ей. Никогда.

Линь Юэ приходила раз в месяц. Ставила метроном, садилась в кресло у окна, разглядывала их и молчала. Иногда проверяла тетради с каллиграфией, иногда – просила улыбнуться, пройти по комнате. Иногда – просто постоять, глядя в большое старое зеркало в тяжелой раме.

– Хорошо. Продолжай, – говорила она. Голос всегда был ровным, без эмоций.

Чень Си не знала, что именно «хорошо». Не знала, зачем ее рассматривают, как фарфор на полке лавки в Монкоке. Она узнала об этом только через два года.

В тот день в комнату пригласили троих. Все – уютские. Все – одного возраста, все – чем-то неуловимо похожи: одинаковый рост, одинаковый разрез глаз, плавность в движениях, как у девушек из Цзяннани.

Маятник на столе двигался из стороны в сторону, отсчитывая ровные, безжалостные удары. Тик-так. Тик-так.

Линь Юэ не подняла глаз. Налила темного чая в пиалу, отпила и тихо сказала, точно в такт метроному:

– Садитесь. Начинаем.

Она устроилась в центре, положив на стол желтый конверт с потертыми краями и шелковыми тесемками. Такие конверты в старом Тайпине использовали для хранения контрактов, долговых расписок и семейных тайн.

– Это – не случайность, – сказала Линь Юэ, откинувшись на спинку стула. Медленно провела пальцем по ободку пепельницы. – Каждую из вас отобрали за внешность, возраст и отсутствие корней. Нет родственников, которые будут искать, нет прошлого, которое будет мешать. Вы исполнительны, обучаемы и у каждой – совершенно чистое досье. Но... мне нужна только одна.

Девочки стояли перед ней – навытяжку, как на осмотре. Метроном щелкал, отсчитывая не время – шансы. Тик. Так. Тик. Так.

Они молчали. Маятник – двигался.

– Старайтесь. Это ваша возможность изменить жизнь.

Линь Юэ приказывала сесть, встать. Пройтись, спеть, рассмеяться, потанцевать. Наклонить голову и улыбнуться. Трогала волосы, смотрела зубы, измеряла талию мягкой лентой, проверяла осанку у стены. Спрашивала об оценках и интересах, иногда доставала фотографию и сравнивала на ней что-то.

В итоге – две другие ушли, опустив глаза. Чень Си – осталась.

– Ты не спросила, почему выбрали тебя.

– Спрошу, если вы разрешите, госпожа.

Линь Юэ сухо усмехнулась. Развязала тесемки конверта и передала ей фотографию: девушка в белом платье с чистой улыбкой. Они все трое были чем-то неуловимо на нее похожи. Но в глазах этой, на фото, было что-то, чего у них не было – счастье. Живое и настоящее.

– Ее звали Сунь Лань. Она умерла шесть лет назад. Нам нужно, чтобы она ожила.

Чень Си медленно моргнула.

– Четырнадцатая страгатаема, – произнесла Линь Юэ очень буднично. – «Позаимствовать труп, чтобы вернуть душу». Нам нужна копия. Идеальная подделка. И ты должна стать ею. Не похожей, а – ею.

Она смотрела на фотографию и не понимала. Стать «копией кого-то», это значит... ей нужно перестать быть собой?

Она тогда не знала, что возненавидит эту мертвую женщину. Что эта улыбка будет преследовать ее годами во сне, отражаясь в каждом зеркале и каждом чужом взгляде.

– Тогда почему именно я, госпожа? – спросила Чень Си.

Линь Юэ смотрела на нее долго и изучающе. В ее глазах на секунду вспыхнула жалость и расчет.

– Мне сказали, ты ничего не помнишь до попадания в приют? – спросила она вместо ответа.

– Это так, госпожа. Я долго болела. Не было ни вещей, ни документов, и меня никто не искал. – Единственный «актив» с которым она поступила – это оторванное грязное ухо мягкой игрушки. Этого оказалось совершенно недостаточно, чтобы найти семью, которая ее потеряла.

– С этого момента зови меня «мама». Что касается выбора, – Линь Юэ еще раз смерила ее внимательным взглядом, – узнаешь в свое время. Все имеет свои причины и следствия, начало и конец. Я выбрала тебя, потому что ты подходишь для этой цели лучше всего, – продолжила Линь Юэ. – А теперь, что ты должна сказать?

Чень Си помолчала. В горле пересохло.

– Спасибо, что выбрали меня... «мама».

Бумаги Линь Юэ показала ей через два дня – контракт на толстой шероховатой рисовой бумаге, с печатью организации – красный круг с иероглифом «тишина» в центре.

– Ты не рабыня, – сказала она, постукивая пальцем по сургучной печати. – И сейчас не эпоха Тан, но по сути в мире ничего не изменилось. Рабов просто больше не называют рабами, но людей можно купить и продать. Тебя продали в детстве, когда передали в приют. Твой контракт принадлежит организации. Ты – инвестиция, а инвестиции должны окупаться.

Чень Си кивнула. «Особый» приют для особых детей с особыми условиями. Каждая из них с детства знала, что была «живым товаром». Им постоянно напоминали, сколько вложено в их обучение: каллиграфия, этикет, языки. Что они «должны жизнь», и смогут оплатить долг, только принеся прибыль.

– Если думаешь отказаться – не стоит, – усмехнулась Линь Юэ, видя, как она долго смотрит на бумаги. Влажные красные чернила на маленькой подушечке казались слишком яркими.

Чень Си отказываться не планировала. Предложение было лучше, чем быть просто проданной в «наложницы» или «канарейки» – за два месяца из приюта передали троих новым «хозяевам». Лучше, чем холодная кладовая. И потому что она помнила, что бывает с теми, кто решает не отдавать долги.

В прошлом году пара девочек на год старше отказались подписывать бумаги. Одна – просто пропала, исчезла, как дым; другую нашли через день в реке, у моста. А жемчужную заколку умершей Чень Си видела на воспитательнице через неделю.

Дорогих заколок у Чень Си не было. Но ей очень хотелось жить. Желательно – лучше, чем сейчас.

И потому, когда Линь Юэ пододвинула контракт, она не колебалась. Промокнула подушечку большого пальца, и оставила яркий красный отпечаток в углу листа. Бумага впитала алую тушь.

– Умница, – довольно похвалила Линь Юэ. – Завтра переезжаем в Хуайчен. Вещи можешь не брать – в новой жизни у тебя будет все новое. Ты же там еще не была? Я уверена, тебе там непременно понравится, – сказала она и сухо рассмеялась, непонятно почему.

В ночь перед отъездом Чень Си снились кошмары.

Гроза. Ливень, раскаты грома, щелчки затворов и звуки выстрелов. И глаза – темные и пустые, черные, как замерзшая река. Как будто кто-то пристально смотрел на нее во сне, не отводя взгляда.

Она проснулась в холодном поту и долго сидела на узкой кровати, обхватив колени руками.

Потом взобралась на подоконник и подышала на холодное стекло. Туманное пятно медленно расплывалось, и она водила по нему пальцем, рисуя невидимые иероглифы:

«Завтра я уезжаю из приюта в Хуайчен. Меня зовут Чень Си. Мне шестнадцать. Я не помню прошлого. Меня выбрали, потому что у меня нет семьи, и потому что я похожа на мертвую женщину.

И я не знаю, что меня там ждет».

Глава 3. Клетка

Хуайчен оказался хмурым, дождливым и слишком шумным. Трамваи звенели на поворотах, неоновые вывески отражались в лужах, из открытых окон кафе лился джаз. Речной воздух пах влажностью Хуанпу. Совсем не похоже на тихий Тайпин.

Дом Линь Юэ в пригороде прятался за высокой каменной оградой, у подножия холма, за которым начинался бамбуковый лес. Старый, двухэтажный, такой, какой и положено снимать семье скромного достатка, состоящей из двух женщин – матери и дочери.

– Твоя комната вторая слева, – сказала Линь Юэ, распахивая дверь. – Располагайся, завтра – начнем.

Чень Си осторожно вошла.

Комната была маленькой и узкой, окна выходили на лес. Кровать, стол, стул, шкаф и большое зеркало во весь рост в тяжелой раме из черного дерева. Больше – ничего.

Чень Си провела пальцем по холодной поверхности стола – нет пыли и ни единой царапины. Стерильная чистота. Постельное – тоже с иголки. Она осторожно присела на край кровати и подпрыгнула – новый матрас спружинил. На секунду ей показалось, что у нее впервые появится что-то свое. Собственное. Место, которое она сможет назвать домом.

Но Чень Си – ошиблась.

Это была не комната, это была клетка. А зеркало на стене повесили не для того, чтобы любоваться собой. А для того, чтобы учиться быть кем-то другим.

Лицо Юй Ханя она увидела впервые в дождливый вторник.

На черно-белой фотографии – уставший мужчина около тридцати. Черные волосы, зачесанные назад. Лицо – жесткое, с острыми скулами и глубокими тенями под глазами. Губы сжаты. Взгляд – тяжелый, пустой, как замерзшая река.

Линь Юэ качнула маятник – метроном затикал. Тик-так. Тик-так.

– Юй Хань, – сказала она, постукивая ногтем по снимку. – Последние пять лет – глава клана Юй. Ему тридцать два. Не женат и никогда не был. Первая и единственная невеста погибла шесть лет назад в ночь перед свадьбой. Детей нет.

Она положила вторую фотографию поверх первой.

– Внебрачный сын предыдущего главы, Юй Фэна. В семье – третий. Принят в клан не сразу, начинал с самых низов, с отрядов зачистки, выполнял для клана самую грязную работу. До сих пор имеет связи в кварталах и является признанным главой у части банд Хуайченя.

Линь Юэ выложила рядом фотографию Сунь Лань. Девушка в белом шелковом ципао.

– Невеста. Накануне свадьбы ее похитили и убили. До этого господин Юй был обручен в течение двух лет и не стремился к власти. Этот момент оказался поворотным для всего клана Юй, – Линь Юэ тихо удовлетворенно усмехнулась. – В течение одного года умер старший сын, глава погиб при невыясненных обстоятельствах. Второй мастер пробыв главой клана всего несколько недель, затем признан недееспособным и заключен в психиатрическую лечебницу. Сейчас находится на лечении в Швейцарии.

Она подняла глаза на Чень Си.

– Как ты думаешь, какими способностями должен обладать человек, чтобы подняться с позиции внебрачного сына до главы? И убрать всех наследников за один год?

Чень Си молчала. Метроном отсчитывал секунды. Тик-так.

– Почему нельзя просто убить его?

После «приюта» у нее осталось мало иллюзий о том, как люди привыкли решать такие проблемы.

– Потому что это решение заказчиков, – Линь Юэ приподняла тонко подведенные карандашом брови, – трупы не приносят выгоды. Юй не управляем, как человек, у которого практически нет слабостей и интересов. На территории Хуайчена он теперь почти неприкасаем. Шесть покушений только за этот год и он все еще жив. К нему не подобраться, мы пробовали.

Она взяла Чень Си за подбородок, и повернула ее лицо к свету. Ледяные пальцы Линь Юэ пахли Жоу Гуем и дорогим табаком.

– Но если он сам захочет приблизить тебя к себе, и сделать «своей» – тогда это совсем другое дело, понимаешь?

Чень Си послушно опустила ресницы.

– Если у него нет слабостей – их можно создать, – продолжила Линь Юэ. – Для этого и нужна ты. Раз «слабость» когда-то была, нам нужно просто воссоздать ее достоверную копию. Обмануть императора, чтобы переплыть море.

– Он опасен, – сделала вывод Чень Си.

– Да.

– Жесток?

– Когда надо. В течение последних пяти лет в его окружении не появлялось новых лиц, ни одного. Большинство поднялись вместе с ним. Преданы до гроба, – Линь Юэ тяжело вздохнула. – Параноидален. Не идет на контакт, не заводит связей – мы отработывали этот вариант. Не поддерживает отношения в свете. Клан Юй «закрыт», как сейф. Чтобы попасть внутрь, нужны особые условия.

– А если он не захочет меня?

Линь Юэ усмехнулась.

– Он – захочет. Он один шесть лет. Он устал. Он ищет даже не любовь – утешение, – Линь Юэ на мгновение прикрыла глаза. – Когда ты уже терял, ты готов рисовать лепешку, чтобы утолить голод. Он – такой же – будет цепляться за любую надежду. Никто не откажется от второго шанса изменить прошлое.

– И вы дадите ему меня.

– И я дам ему тебя.

Посмотреть на того, «кто будет цепляться за любую надежду», она сбежала через два месяца после переезда в Хуайчен.

Ей исполнилось семнадцать. В ее жизни не было ничего, кроме учебы, тренировок и фото мужчины, которого она даже никогда не видела вживую. И она – сбежала.

Нарушила правила, и решила, что сможет вернуться, пока не хватились. Помнила адрес из досье – старый элитный ресторан у набережной, где Юй Хань бывает по четвергам. Добралась до места за час и долго кружила в книжной лавке напротив, делая вид, что перебирает книги дрожащими пальцами.

В тот день ей «повезло».

Сначала она услышала звук. Низкий, утробный гул моторов, от которого завибрировало стекло витрины. К тротуару, разрезая поток серых машин, плавно подкатил кортеж. Три черных длинных Packard. В их натертых до блеска боках отражалось искаженное, свинцовое небо Хуайчена.

Тяжелые двери открылись синхронно и бесшумно. Высыпала охрана – в одинаковых черных костюмах. Они оцепили периметр за секунды, отсекая прохожих невидимой стеной. Люди подавались в стороны, спешно уходя с тротуаров.

Потом открылась дверь. И вышел – он.

Юй Хань был выше, чем она представляла. Шире в плечах. Его фигура казалась монолитной, как скала на фоне стекла витрин и суетливой толпы.

В пальто из черного кашемира, похожем на военную форму; в темной рубашке без галстука.

Его лицо – живое, не на фото, оказалось более бледным и уставшим. Он не смотрел по сторонам. Как будто этот мир – шумный и грязный, пахнувший выхлопными газами – просто не существовал. Он шел прямо сквозь него.

Между ними – всего одна улица. Мокрый асфальт, лужи, поток машин. Но это расстояние казалось совершенно непреодолимым. Он шел так, как будто весь Хуайчен принадлежит ему, и даже воздух, которым она дышит. Она – пряталась, как тень, которая не имеет ничего своего, и даже одежда, которая на ней надета – чужая.

Воздух вокруг словно стал тяжелее, плотнее. Ладони вспотели, и она вдруг остро почувствовала запах собственной одежды – дешевого мыла, которое покупала Линь Юэ, и лапши на вынос. Она вздрогнула от холода. Этот запах отделял ее от него сильнее, чем расстояние в одну улицу.

Чень Си замерла в тени дерева у магазина, в домашнем цветастом платье, растянутой кофте сверху, с небрежно переплетенной косой. Ошеломленная. Прижимая к себе купленные, совершенно не нужные ей, книги.

На отражении в витрине – бледный призрак растрепанной девушки. Она вроде и была здесь, но исчезла она сейчас из этого мира – никто и не заметил бы.

Она выглядела как часть декора. Как пыль.

Да с чего они вообще решили, что она сможет привлечь внимание такого мужчины?

Через минуту Юй Хань скрылся за тяжелыми дверями ресторана. Черные силуэты машин растворились в дожде.

Чень Си медленно разжала побелевшие пальцы. На обложке книги остался влажный след от ладони.

Она проиграла, даже не начав. Она даже не была игроком.

Но даже «пыль».

Однажды может стать бурей.

«Дома» Линь Юэ отвесила ей пощечину. Первый раз за все время.

– Запомни, – сказала она жестко. – Ты не сбежала. Ты показала этим, что еще не готова. Сделаешь еще одну глупость – и тебя заменят. Время еще есть – незаменимых нет.

Потом, в комнате, которую она до сих пор не считала своей, Чень Си прикладывала лед к распухшей щеке и первый раз тихо пожаловалась фотографии на столе.

– Ты, – прошептала она, ткнув пальцем в черно-белое лицо. – Меня первый раз наказали из-за тебя.

Большую часть времени ее занятия проходили в старом особняке на окраине Хуайчена, спрятанном среди узких улочек, утопающих в тени вековых платанов.

В комнатах пахло камфорой, старыми книгами и пылью. На стенах – выцветшие работы известных каллиграфов прошлого. Окна почти всегда зашторены, тяжелым шелком цвета запекшейся крови. В родовом зале – алтарь с табличками предков. Чьих? Она не знала и не спрашивала.

Ее учителя приходили и уходили. Они не говорили лишнего. Они показывали, она – повторяла.

Строгая седая женщина в шелковом ципао учила ее правильно ходить. Она носила четки из темного янтаря, перебирала их пальцами, когда Чень Си ошибалась. Щелчок бусин – ошибка. Щелчок – ошибка.

На столике рядом тикал метроном. Тик-так. Тик-так.

Шаг. Поворот головы.

Тик-так.

– Ты слишком напряжена, – говорила она, – и слишком боишься ошибиться. Мужчина всегда почувствует в походке скрытое напряжение. Он не должен видеть в тебе угрозу. Будь мягкой, как вода. Как шелк, как утренний туман над рекой – невесомой. Ты должна парить.

– Я не птица, – возражала Чень Си.

– Ты – женщина. А женщина должна быть легкой. Мужчины не любят тяжесть. Будь податлива, и помни: вода принимает форму любого сосуда.

Плечи ныли. Ноги дрожали. Но когда раздавался щелчок, тело уже само становилось в нужную позу. Оно научилось подчиняться быстрее, чем разум.

Чень Си училась ходить, будто она «плывет». Словно боялась оставить след.

Другая наставница – худая, с жесткими глазами и голосом, как битое стекло – учила ее смеяться.

– Смех – это ключ, – говорила она. – Ты должна уметь смеяться так, чтобы люди останавливались и забывали, о чем думали до этого.

Она тренировалась перед зеркалом. Училась смеяться, как «Сунь Лань» – сдержанно и мелодично. Училась смеяться, как счастливая беззаботная девушка, у которой нет прошлого.

Учительница хлопала в ладоши – резко и сухо. Каждый хлопок отдавался в висках.

– Беззаботность! Радость! – командовала та. – Я хочу слышать жизнь в твоём смехе!

Чень Си смеялась. Хлопок – и смех обрывался по команде. Снова смех и снова хлопок. Смеяться она ненавидела, потому что за каждую ошибку получала удар по ладони тонкой бамбуковой палкой.

Как она может научиться смеяться, если в приюте поводов для смеха почти не было?

Старая актриса из Гонконга, которая когда-то играла императриц на сцене «Шанхайского», учила ее сценическому мастерству.

– Женщина должна уметь слушать. Мужчины любят говорить о себе. Твое дело – кивать, улыбаться и не перебивать.

– А если он скажет что-то важное?

– Тем более молчи. Важное он скажет только в тишине. Женщина говорит телом, – учила она. – Слова – это только половина дела.

И Чень Си училась молчать. Училась поправлять пряди волос, касаться украшений, прикрывать рот ладонью, наклонять голову при разговоре. Правильно смотреть, правильно стоять, правильно дышать.

Она училась надевать образы, как надевают ципао. Чтобы жить чужой жизнью, нужно носить чужую кожу. И не жаловаться, если где-то жмет.

Привлечь интерес мужчины мало, нужно уметь его удержать.

Поэтому на уроки «очарования» выделяли отдельное время. Их вела молодая женщина с томным голосом и тяжелыми веками, из тех, кто знает о мужчинах больше, чем сами мужчины о себе.

– Взгляд держи на секунду дольше, чем хочется, – она подошла сзади и положила руки Чень Си на плечи, наблюдая за ней через зеркало. – Ресницы – вниз, смотри на меня. Пауз не бойся, мужчины в паузе видят тайну, а не пустоту, – она усмехнулась в отражении. – А волосы поправляй небрежней, будто случайно.

Чень Си повторяла. В зеркале отражалась чужая девушка с пустыми глазами, которая умело притворялась живой. Притворялась хрупкой, беззащитной и нежной. Той, кого хочется защищать.

– Улыбнись так, будто он – единственный мужчина в мире.

Она улыбнулась. Уголки губ дрогнули ровно настолько, чтобы это выглядело искренне.

«Подделка», – подумала она, но лицо не выдавало ее.

– А теперь влюбись, – сказала женщина.

– В кого?

– В него. Пока что – в воображаемого. Но когда увидишь настоящего – твои глаза должны вспыхнуть и засиять, щеки – порозоветь, а дыхание – сбиться.

Чень Си закрыла глаза и представила взгляд на фото. Холодный, как кусок камня. Ничего не дрогнуло внутри. Не появилось ни тепла, ни страха. Внутри нее только пустота.

«Я не умею», – хотела сказать она, но не сказала. Открыла глаза. Улыбнулась – тепло и открыто.

– Хорошо. Почти убедительно.

«Почти», – повторила про себя Чень Си.

Когда учительница отвернулась, она позволила себе на секунду выдохнуть. Только на секунду.

– Запомни, – сказала женщина, встретившись с ней глазами в зеркале. – Он должен тебе по-настоящему нравиться.

– По-настоящему? – Удивилась Чень Си. – Но он же... старый...

Учительница звонко расслабленно расхохоталась.

– Старый. ... нет, ты слышала это, Юэ... – Она обернулась к хмурой «матери», которая часто присутствовала на занятиях, сидя в тени. – И ты хочешь, чтобы из этого ребенка я сделала женщину?

– Время еще есть. Успеем, – спокойно ответила Линь Юэ.

– Запомни, – учительница мягко ткнула Чень Си пальцем в лоб. – Никто не сможет играть вечно. Нам нравятся те, кому мы думаем – нравимся мы сами. Поэтому самый простой путь – найди то, что тебе в нем по-настоящему нравится. Игра становится безупречной только тогда, когда перестает быть игрой.

Чень Си ничего не поняла, но послушно кивнула. И девушка в отражении с чужой улыбкой кивнула ей в ответ.

Иногда, очень редко, она ловила в зеркале свое, а не чужое выражение. Испуганное и живое, но быстро отводила взгляд.

Метроном отсчитывал секунды. Тик-так. Тик-так.

Так проходили дни. Недели, месяцы. Чень Си училась не быть собой. Училась дышать тихо. И – ждала.

Когда клетка откроется.

Глава 4. Сунь Лань

Досье на Сунь Лань было таким же большим, как и на господина Юй. Пухлая папка из плотного картона, перетянутая шелковой лентой. Внутри – десятки снимков. Студийные портреты, случайные фото, в толпе и одна.

– Это все, что нам удалось собрать, – сказала ей «мать». – Изучи и запомни. У нас есть почти три года, чтобы сделать из тебя идеальную копию.

Чень Си провела пальцем по краю первой фотографии. Старая бумага была шершавой. Она смотрела на них и не могла отвести взгляд. Женщина на снимках – та, чье место она должна была занять – открыто улыбалась. Тепло и беззащитно. Длинные волосы ниже пояса, на некоторых фото – распущенные, выющиеся на ветру, на других – заплетенные в косу.

Чень Си смотрела на эти снимки и думала: девушка с такой улыбкой не продержалась бы в приюте и недели.

– Ее звали Сунь Лань, – Линь Юэ села напротив. Рядом на лакированном столе тикал метроном. Тик-так. Тик-так. – Двадцать два года. Студентка медицинского. Играла на пианино с шести лет. Любила собак, особенно спаниелей. Обожала классическую музыку – Моцарта и Шопена. Белые розы считала символом чистоты.

– А я не люблю белое, – сказала Чень Си. И тут же пожалела.

Линь Юэ посмотрела на нее. Долго и холодно. Метроном отсчитывал секунды.

– Полюбишь, – сказала она.

Чень Си опустила глаза.

«И собак не люблю. Боюсь. Я люблю кошек. Они тихие и независимые, и приходят только тогда, когда хотят сами», – подумала Чень Си. Но вслух не произнесла ни слова. В приюте учили: лишнее слово – лишний шрам.

– Ею ты и должна стать.

– А если я не смогу?

– Сможешь. Мы сделаем все, чтобы ты смогла.

Чень Си взяла верхнюю фотографию: Сунь Лань на выпускном. Снова светлое платье, букет, счастливые лица, на заднем плане – размытые фигуры родителей.

«Разве можно скопировать счастье? Я даже не знаю, как это сыграть. Меня научили только одному – терпеть».

Она перебирала фотографии, раскладывая их веером. Сунь Лань. Сунь Лань. Сунь Лань.

Имя значило «маленькая орхидея». Девушка нежная, как хрупкий цветок. Ее приемная мать сказала, что имя «Чень Си» означает, что она должна забыть прошлое. Что теперь она – пустой лист. Что они дали ей новую жизнь. И на этом чистом листе должно быть написано только одно имя – Сунь Лань.

К концу первого года тренировок Чень Си начала бояться зеркал.

Боялась, что однажды проснется и не сможет вспомнить, где кончается она и где начинается та, другая, уже мертвая – Сунь Лань. Она начала ненавидеть это имя. И ненависть, которую она никак не могла выразить, тихо жгла ее изнутри.

И – зависть.

Почему одним все, а другим – ничего. Почему одним – семью, тепло, любовь, а другим – приют, тренировки и наказания. Почему Бог так несправедлив? Чем она – Чень Си – это заслужила? Почему она сейчас не может быть вместе с родителями?

Никто и никогда не спрашивал, что нравится ей – Чень Си. Она и сама не знала, что ей нравится, но зато теперь точно знала, что она ненавидит.

Той ночью дом затих.

Только бамбуковые ставни изредка постукивали на ветру. Чень Си выскользнула из-под одеяла.

В шкафу висело новое шелковое платье. Белое, с высоким воротником и косым разрезом, украшенное традиционной вышивкой. Почти копия того, что носила Сунь Лань. Его принесли утром. «Примерь», – сказала Линь Юэ. Чень Си надела – ципао село идеально, как вторая кожа.

Сейчас она смотрела на него – белое пятно светилося в темноте.

Она подошла, дотронулась до рукава – шелк был прохладным и скользким. Схватила платье за ворот и рванула со всей силы.

Шов треснул с сухим звуком, похожим на ломающуюся ветку.

Она рванула еще раз – ткань подалась. Она рвала молча, медленно и методично, пока в руках не остались только куски тряпок. А потом выдохнула – впервые за год на мгновение в груди стало легко.

Но в шкафу было еще много платьев.

Утром Линь Юэ увидела остатки ципао на полу и долго молчала.

– Еще раз, – сказала она очень ровно, – и ты пожалеешь.

Через час ей принесли новое платье. Точно такое же.

Чень Си послушно его надела.

Гладкий шелк обнял плечи. Холодный и непобедимый. Она не подошла к зеркалу. Поправила застежку на ошеп.

Потянулись одинаковые дни – тренировки, зеркало, метроном. Чень Си перестала считать недели.

Линь Юэ никогда не кричала на нее и не поднимала руку. Жить в Хуайчене оказалось гораздо проще, чем выживать в приюте.

Линь Юэ обычно не хвалила ее, не говорила «плохо, ты не справилась», она просто смотрела. Долго и молча. И Чень Си пробовала снова и снова, пока не получала сухое и сдержанное «хорошо» – в ответ.

Но в первый же год она узнала, что и у холодной маски Линь Юэ тоже есть свои трещины. Это всегда случалось в третий день осени.

Тогда Чень Си проснулась от приторного запаха – тяжелого и сладкого. Он плыл по дому, смешиваясь с ароматом лилейника и благовоний. Косые тени от ставней резали стену пополам полосами.

Она встала, накинула халат и пошла на звук – в гостиную в самом конце коридора. Дверь была приоткрыта.

Линь Юэ сидела на полу перед низким столиком. На нем – фотография молодого мужчины с теплыми глазами и нежной улыбкой. Чень Си не знала, кто он. Слишком живой, слишком ласковый для этого места и этого дома.

Рядом – бутылка фэньцзю, две пиалы, пачка бумажных денег, и пепел в медной чаше с тлеющими углями. Благовония, пахнущие лилейником и сандалом, курились тонкими нитями, поднимаясь к потолку. В гостиной клубился дым.

Любимая доска Линь Юэ от вэйци валялась в углу. Камни – белые и черные, рассыпаны по полу в беспорядке.

Линь Юэ была в траурном белом ципао. Рубашка расстегнута у ворота, волосы выбились из шпилек.

Она пила. Не из пиалы – глотала прямо из бутылки, захлебываясь. Ее глаза были мутными, а пальцы дрожали.

Чень Си хотела быстро уйти, но не успела.

– Это... ты... – голос Линь Юэ стал тягучим, мягким и совсем чужим.
Она шагнула в комнату. Осторожно присела на пол напротив, не зная, что делать.
– Я когда-то была как ты... – Линь Юэ посмотрела на нее расфокусированным взглядом.
– Думала, мечь – это жизнь... а оказалось, мечь – это тоже смерть... Долгая... Скучная...
Я – мертва...

Она допила и поставила бутылку на пол. Стекло звякнуло.
– По...моги, – скомандовала она, заикаясь. – В комнату.
Чень Си поднялась и подхватила ее под руку. Линь Юэ оказалась тяжелее, чем она думала. Тело обмякло, ципао сбилось. Чужие волосы лезли в лицо.

Чень Си, шатаясь, вела ее по коридору, и слушала, как та бормочет в забытии:
– Ненавижу... всех Юй... кровь за кровь... ненавижу...
Она повторяла это снова и снова, как мантру, как проклятие, пока не рухнула на кровать.
– Ты... – бормотала она пьяно, цепляясь за отворот халата Чень Си. – Верь мне... Сделаешь за... задачу... будешь свободна... Твой контракт... твое... – взмахнула рукой. Отпустила и тут же отключилась.

Рука Чень Си замерла над краем одеяла, дыхание сбилось на доли секунды. «Свободна?»
Она укрыла ее, постояла, глядя на ее лицо – постаревшее и чужое, и потом полночи думала, сколько правды в том, что она сказала.

Свобода – манила, но она боялась думать об этом. Если не мечтаешь – не больно, когда мечты разбиваются.

И потом, Чень Си не знала, что делать, если она будет свободна. У нее никогда не было – себя. Ее жизнью всегда кто-то управлял и руководил. Сначала – приют, сейчас – задание и Линь Юэ. Что делать со внезапно обретенной свободой, если она ее получит, она не представляла.
И как отличить то, что ты сам хочешь для себя, от того, что хотят для тебя другие?

Утром Линь Юэ проснулась совершенно трезвой. Холодной, как ни в чем не бывало.
– Ты здесь спала? – прохрипела она, увидев Чень Си в кресле.
– Вы вчера просили помочь.
– Не помню. – Линь Юэ отвернулась к окну. За ним бамбуковый лес тонул в серой пелене влажного тумана. – Иди. У тебя тренировки.

Она не сказала спасибо, не объяснила ничего, а Чень Си не осмелилась спросить.
К обеду Линь Юэ снова стала идеальной – сдержанной, прическа волосок к волоску, в наглухо застегнутом до горла ципао. Система поглотила трещину, как вода поглощает камень. Незаметно и тихо, до следующего третьего дня осени.

А вечером в их маленький дом у подножия холма приехал важный гость.
Мужчина лет сорока, в костюме на западный манер, явно сшитом на заказ. В начищенных до блеска туфлях, с фальшивой улыбкой. Его губы улыбались, когда он смотрел на Чень Си, а глаза – нет.

Он носил трость из черного дерева с серебряным набалдашником больше для вида, и разговаривал с Линь Юэ так, как будто она была старшей служанкой.

С Чень Си он не разговаривал вообще.
Его представили, как господина Чу из столицы.
Линь Юэ проводила гостя в кабинет и сделала незаметный знак рукой – «подать чай». Чень Си принесла поднос, но замешкалась у входа. Дверь была приоткрыта, и это было неправильно. Линь Юэ никогда не оставляла двери открытыми.

Внутри пахло горечью – сигарным дымом и дорогими духами. Господин Чу сидел в кресле спиной к ней, поигрывая тростью, как оружием, и неспешно выстукивал ритм серебряным набалдашником по паркету. Тук. Тук. Тук.

– ...она не подходит, Юэ, – голос господина Чу звучал мягко, почти заботливо, но в нем не было тепла. Только равнодушная оценка. – Ты возишься с ней уже полгода и никакого прогресса... Груды нет, плечи острые – торчат, как у подростка. Никакого очарования... Мисс Сунь была гордой орхидеей среди цветов, а это – серая мышь... Сколько не бейся – уткой-мандаринкой не станет... Возьмем другую, их полно, а эту – в расход.

Чень Си не сразу смогла сделать вдох – воздух застрял в горле. Слова «в расход» вошли под ребра – холодно и ровно, как нож.

Она удержала поднос в руках только благодаря тренировкам, и встретилась взглядом с Линь Юэ. Та посмотрела прямо на нее, поверх головы господина Чу. Смотрела и не отводила взгляд. Когда заговорила, голос был спокойным, как у врача, объясняющего диагноз буйному пациенту:

– Ты хочешь «украсть балку и заменить ее столбом» – это требует времени.

– А ты сейчас ты пытаешься выдать рыбий глаз за жемчужину, Юэ. Мисс Сунь была чиста, как лед, и целомудренна, как нефрит...

– Нефрит, не знавший резца, не станет сосудом, – перебила Линь Юэ сухо. – Она такая же, как я. Я выбрала ее и уверена. – И снова посмотрела прямо в глаза Чень Си. – Она справится. И она подходит.

– Ставки слишком высоки. Выборы через четыре года, мы не можем рисковать. Эта тварь Юй держит всех за горло... кто знает, на скольких старейшин у него собран компромат...

Чень Си бесшумно отступила в тень коридора. Поднос в руках задрожал – теперь она это чувствовала, когда никто не видел. Она спряталась в своей комнате и заперла дверь, как будто эта преграда могла отделить ее от слов человека, который решил, что имеет право решать: жить ей или нет.

«В расход».

Полгода тренировок. Сорванный голос. Пальцы, распухшие от ударов бамбуковой палки, и все равно она – просто материал. Брак.

Там, за стеной, решалась ее жизнь, и она ничего не могла сделать. Только ждать.

Чай на столе остыл. Она так и не выпила ни глотка – не смогла.

Слова «в расход» крутились в голове.

Она никогда не забывала, кто она. Товар. Живой товар. Но впервые ей сказали, что товар – бракованный.

Она просидела, замерев, на кровати без движения еще час.

Потом скрипнула дверь. Линь Юэ вошла без стука. Прислонилась к косяку. Запах табака Чу все еще держался на ее ципао.

– Соберись, – скомандовала она жестко. – Он уехал.

Чень Си подняла глаза.

– Завтра план тренировок меняется. Будешь работать больше.

Чень Си быстро кивнула. Один раз. Другой.

Линь Юэ помедлила. Их взгляды встретились, но Чень Си так и не смогла расшифровать выражение глаз «наставницы». Она еще никогда не видела в них таких эмоций. Линь Юэ помедлила, как будто хотела сказать что-то еще, но так и не сказала. Ушла.

Чень Си аккуратно повела затекшими плечами. В тело возвращалась жизнь. Как будто приговор, который был уже окончательно вынесен, смягчили и отсрочили.

Через неделю после «ночи фэньцзю» Линь Юэ в приказном порядке выделила день отдыха, чтобы сбавить темп. Когда уехал господин Чу ее гоняли так, что иногда она засыпала прямо поверх покрывала, не в силах расправить кровать.

– Сегодня занятий не будет, – сказала она. – Едем.

Чень Си впервые увидела, как Линь Юэ села за руль сама, пригнав откуда-то старый потертый «Бьюик» с трещиной на лобовом стекле. Водителя не было, и это означало: то, куда они едут, не должен знать никто.

Почти два часа они ехали в пригород по разбитым сельским дорогам. Сначала через серые предместья, потом через поля – рисовые чеки, залитые водой, отражали низкое, свинцовое небо. Дальше нарезанные квадратами участки пустой земли, а за ними, у самой кромки тумана, темнели бамбуковые рощи.

Линь Юэ остановила машину прямо на дороге посреди поля, заглушила мотор и долго смотрела на небо, положив руки на руль.

Чень Си смотрела на наставницу. Продолжать называть ее «мать» в мыслях больше не выходило, Линь Юэ была кем угодно, только не матерью. Поэтому все чаще про себя она называла ее – «наставница».

Они просидели в машине десять минут. В полном молчании. Наблюдая, как в небе над полями низко кружат стаи птиц среди туч. Затем Линь Юэ тяжело вздохнула, и решительно завела двигатель.

Ферма показалась внезапно – старая, кирпичная, с просевшей крышей и глухим высоким забором, на самой окраине деревни. За ней тянулись бесконечные поля, тающие в туманной дымке. Где-то далеко лаяла собака, кудахтали куры.

Из дома вышел седой сутулый мужчина. Он шел, приволакивая левую ногу. Остановился на крыльце, подслеповато щурясь, и вдруг его морщинистое смуглое лицо дрогнуло.

– Сяо Юэ... – произнес он хрипло, не веря. – Маленькая Юэ?

Линь Юэ не ответила. Стояла прямо, с идеальной осанкой. Но Чень Си заметила – ее пальцы, сжавшие ключи, побелели.

Старик переводил взгляд с Линь Юэ на Чень Си, и обратно. Губы его беззвучно шевельнулись.

– Это твоя...

– Нет, – резко отрезала Линь Юэ.

Чень Си поняла, что он хотел сказать – «дочь». Слово повисло в воздухе – и растаяло.

– Проходите, – сказал старик тихо. – Ты столько лет у меня не была.

В доме пахло травами, молоком и старым деревом. На столе – простой и дешевый чай, не тот, что заваривала Линь Юэ дома.

Старик и Линь Юэ говорили о чем-то вполголоса, пока Чень Си сидела на скамье у двери и смотрела во двор – как дерутся и кудахчут рыжие в крапинку куры. Она не слышала слов, только интонации – Линь Юэ говорила сухо, коротко, как всегда. Старик кивал, иногда качал головой. Один раз он спросил, повысив голос: «Ты уверена?» – и Линь Юэ ответила: «Другого выхода нет».

После двух чашек чая ее привели в подвал. Там было значительно холоднее, чем на улице – руки сразу покрылись мурашками. Пахло сыростью, машинным маслом и ржавчиной. Под потолком качалась голая лампочка – желтый свет дрожал на бетонных стенах, отделанных деревом, и рядах старых изрешеченных мишеней с рваными краями.

На столике у стены, на куске клеенки лежали несколько револьверов.

Старик оглядел Чень Си и прищурился. Осторожно пощупал сучковатыми пальцами тонкие запястья – измерил. И недовольно цокнул языком.

– Из этого цыпленка бойца не сделать, – сказал он беззлобно. – Но тебе это и не нужно, – старик оглянулся на Линь Юэ и та кивнула в ответ. – Запомни, девочка: геройство – это смерть. Твоя задача – выиграть время. Две минуты, три. Достаточно, чтобы дождаться помощи или успеть сбежать. Или... – он снова покосился на Линь Юэ, – или сделать то, что должна. Все. Большого от тебя не требуется.

Линь Юэ молчала, прислонившись к стене.

– Это Смит-Вессон, – старик бережно поднял матовый черный револьвер с потертой деревянной рукоятью и погладил ствол. – Тридцать восьмой калибр. Десять лет назад на улицах Хуайчэня пули решали вопросы быстрее дипломатии.

Линь Юэ шагнула к Чень Си. Положила ладонь ей на шею и сжала – не больно, но очень крепко – не вырвешься. И надавила на горло ледяными пальцами. Чень Си почувствовала, как зачастил пульс.

– Об этом – никому. Никому вообще. Никому из тех, кто готовит тебя к заданию. Это не входит в план, и если кто-то узнает – будет плохо всем, поняла?

Чень Си кивнула, насколько позволяла рука на шее.

– Ты даже не доживешь, чтобы понять, если откроешь рот. Это на самый крайний случай, – продолжила Линь Юэ. – Никогда не показывай, что умеешь. Никогда не применяй, если есть другой выход. Ты – Сунь Лань. Сунь Лань не должна уметь стрелять. Если ты выстрелишь – ты раскроешь все. Поняла?

– Да.

Линь Юэ убрала руку, и только тогда кивнула старику.

Тот тяжело вздохнул и взял револьвер.

– Смотри сюда. Это не игрушка, а просто инструмент, как кухонный нож или игла. Держишь крепко, но не давишь. Целишься не в голову, не в сердце – в корпус. Это самая большая мишень. Если попадешь – считай тебе повезло. Не попадешь – хотя бы заставь замедлиться и пригнуться.

Он вложил револьвер ей в руку. Он оказался тяжелее, чем она ожидала. Холодный металл медленно нагревался от тепла тела.

– Никогда не направляй оружие на людей, и никогда не доставай, если не собираешься стрелять. А теперь – давай.

Первый выстрел ушел в стену. Второй – в потолок. Третий – в край мишени. Старик не ругался и не хвалил. Просто терпеливо раз за разом приподнимал руку и поправлял стойку. И – смотрел. Долго и пристально, подслеповато, если она ошибалась. И Чень Си поняла, у кого Линь Юэ научилась этому взгляду.

– Еще раз. Отведи плечо назад. Опустит руку. Стреляй.

От грохота в подвале у Чень Си всегда закладывало уши.

Как-то Чень Си набралась смелости спросить, какой случай можно считать крайним. Таким, чтобы можно было применить то, чему она научилась. Линь Юэ тогда долго молчала, а потом сказала, бросив на нее внимательный взгляд:

– Если девушка красива и одна, а вокруг много мужчин, которые... пьяны, даже если рядом есть оружие, но ты не умеешь им пользоваться, тебе не сбежать...

За спиной Линь Юэ дядя Джи сделал ей знак молчать. И Чень Си больше не осмелилась расспрашивать.

Они приезжали снова и снова. Не часто – раз в месяц, иногда реже. В третий приезд старик разрешил ей называть его дядя Джи, а сам начал обращаться к ней – Маленькая Си. Когда они приехали в четвертый раз Чень Си начали учить готовить. И она начала брать с собой лучшие из своих кулинарных экспериментов – бобовую и кунжутную пасту, домашние салаты, иногда – рисовые пирожки.

В доме старика появилась упаковка Да Хун Пао, новые шторы на окнах, циновки и теплое зимнее одеяло – на канг. Это привозила Линь Юэ, выкладывая, пока не видит дядя Джи.

Всякий раз Линь Юэ вела машину сама, всякий раз они пили чай на ферме, и старик, подслеповато щурясь, уводил Чень Си в подвал. А потом провожал до машины, и долго разговаривал, как будто не в силах расстаться с Линь Юэ.

Через год она выбивала восемь из десяти. Стабильно.

– Достаточно, – сказала Линь Юэ, когда они возвращались в машину.

Чень Си кивнула.

Больше они на ферму не ездили.

Но Чень Си запомнила тяжесть револьвера в руке. И власть, которую он дает. Право решать – жить кому-то или умереть, теперь появилось и у нее – Чень Си.

Жизнь от смерти иногда отделяет только одно движение пальца.

Глава 5. Три года

Вся подготовка заняла почти три года.

Линь Юэ отправила ее учиться на медсестру, потому что Сунь Лань поступала в медицинский колледж и мечтала помогать людям, работая врачом. Потом – отправила на работу, потому что правильная девушка из семьи со скромным достатком не может позволить себе колледж, и должна помогать деньгами «матери».

Курсы сестер милосердия при клинике в Линнэне, практика, ночные смены в частном санатории Тайпина. Чень Си слушала лекции по анатомии, запоминала дозировки, училась накладывать жгуты и ставить капельницы. Она послушно набиралась опыта, чтобы получить предложение от одной из лучших больниц Хуайчена. Конечно, благодаря связям Линь Юэ.

Три года Чень Си переставала быть собой.

Сначала постепенно, потом полностью. Словно снимали старую кожу и натягивали новую – чужую и немного тесную. Раньше каждое движение приходилось отрабатывать часами, теперь она не думала, прежде чем поправить волосы или рассмеяться. Она просто делала это, почти как Сунь Лань.

Она выучила ее походку, выучила ее смех, жесты. Научилась ее молчанию. Сунь Лань умела слушать. Не перебивала и не спорила. Кивала, улыбалась, создавала тишину, в которой хотелось говорить.

Это было сложно для Чень Си. Тишина таила опасность. Любое слово может нести угрозу, если неправильно считать интонацию, или не учесть каков звук шагов у воспитательницы этим вечером. Теперь ей нужно было учиться слышать не угрозу, а – человека. И бояться совсем другого, что ее услышат слишком хорошо и смогут распознать фальшь в голосе.

– Ты слишком напряжена, – говорила Линь Юэ, поправляя воротник ее ципао. – Она была нежной и расслабленной, как девушки из Цзяннани. Ты же как струна, которая вот-вот лопнет.

«Я и есть струна, которая вот-вот лопнет. Но я должна быть идеальной. Я должна стать ею, должна забыть, что когда-то была собой. Я научилась – я почти не дрожу, и я уже почти не помню, кто я».

В особняке, где проходили занятия, стояло старое черное пианино – лак потрескался по краям крышки, а клавиши пожелтели от времени. Она училась играть на нем и ненавидела каждый звук.

Ее пальцы не слушались, клавиши казались холодными и чужими. Пианино было для нее гробом – большим и блестящим. Но она тренировалась каждую неделю, часами.

– Нужно играть с душой, – говорил ей учитель. – Вы же играете, как будто работаете на счетной машинке.

Чень Си не сдавалась. Играла, пока не немели пальцы, пока музыка не начала звучать почти правильно. Пока учитель не сказал: «Лучше». А потом: «Почти», а потом замолчал.

– Неплохо, – сказал он, наконец, убирая ноты. – Но не идеально.

«Ничего не будет идеально. Я никогда не смогу стать ею полностью. Я всегда буду «почти». Могу только попытаться приблизиться. Настолько, чтобы попытаться обмануть его. Настолько, чтобы обмануть себя».

Она не стала копией полностью, учителя оставили отличия. Сознательно и продуманно. Как художник оставляет личную подпись на картине, когда создает копию шедевра.

– Полная копия вызовет подозрение, – Линь Юэ раскладывала снимки на рабочем столе. – Оставь тени. Пусть думает, что память играет с ним.

«А если человек мертв и оригинала больше нет? Тогда я не просто копия. Я – копия копии. Отражение отражения. Тень, которая с каждым слоем – все бледнее, все дальше от оригинала. Может быть, я всегда была только пустотой, которую можно заполнить чем угодно».

– Ты должна быть как она, но не совсем – достаточно похожа, чтобы привлечь и удержать интерес, но иметь маленькие отличия. Как старая фотография, которая немного выцвела. Как воспоминание, которое стало расплывчатым и потому изменилось. Чтобы глядя на тебя, он постоянно испытывал чувство дежавю. Он умен, подозрителен, и, конечно, будет проверять.

Сунь Лань играла на пианино. Чень Си – научилась.

Сунь Лань любила собак, Чень Си разрешили любить кошек.

Сунь Лань любила классическую музыку, Чень Си разрешили не любить Шопена.

Сунь Лань любила стихи о любви, Чень Си не читала про любовь вообще – она таскала книги по военной стратегии из комнаты Линь Юэ.

За три года она отрастила длинные волосы – ниже пояса. Черные, гладкие, как река в безлунную ночь. Линь Юэ сама учила ее собирать их в низкий элегантный пучок, на одну-единственную шпильку, как на старых фотографиях Сунь Лань.

Чень Си смотрела в зеркало и видела свое лицо – единственное, что еще принадлежало ей. Но и оно постепенно менялось. Уголки губ заученно смягчались. Взгляд терял резкость, приобретая ту самую мягкую, чуть рассеянную глубину, которую от нее требовали. Остальное было поддельным и чужим, идеально подогнанным.

Все чаще она слышала сухое, отрывистое «хорошо» от Линь Юэ. Все реже приходилось терпеть удары бамбуковой палки или наказание молчанием. Тело подстраивалось быстрее разума, запоминая ритм.

Она вышла на работу в Первую больницу Хуайчэня и переехала в квартиру, которую сняли для нее неподалеку – в четырех остановках на трамвае. Ремонт был приемлемым, мебель – старой, но это было место, которое она впервые могла назвать «почти полностью своим».

Временно, в ходе «игры», но это была территория, где она могла повернуть дверной замок на три оборота, и ночью слышать только свое дыхание в комнате. Поставить на окно цветок утром, и быть уверенной, что вечером разбитый горшок не окажется на улице.

Она училась существовать одна, без приказов. Училась разговаривать с соседями и носить тете Мо, которая жила этажом ниже – горячую выпечку.

Зарабатывала прилично, но не знала, на что тратить. Все, что было «можно», ей уже купили и привезли. Все, что не укладывалось в образ, – было нельзя. Она откладывала «напотом». На что? Надеялась – на свободу. Когда-нибудь, когда задание закончится. Не решаясь признаться даже самой себе, что свобода пугает ее еще больше, чем жизнь взаймы, по заданию.

Она освоилась на работе, поддерживая маску «отзывчивой, доброй девушки, которая всегда готова прийти на помощь коллегам». Выучила главное правило выживания: нравиться всем вокруг. Быть полезной и удобной, исполнительницей и послушной.

Нравиться учителям, нравиться Линь Юэ. Нравиться коллегам и Юй Ханю в будущем. Это не просто необходимо, для нее это залог выживания.

Пока она нравится – она жива. И люди любят то, что удобно.

Инструмент не имеет права на предпочтения и чувства. Если инструмент бесполезен или не выполняет свои функции – от него избавятся и пустят в расход.

В расход Чень Си не хотела – она еще даже не начинала жить.

После выхода на работу Линь Юэ ослабила «поводок» и у нее теперь она бывала только на выходных.

Та держала скромную чайную на углу за две улицы от их дома. Простая вывеска, первый этаж – несколько столиков, циновки, доска для вэйци в углу. Посетителей почти не было, прибыли лавка не приносила. Иногда приходили странные люди – одетые незаметно и скромно, с напряженным взглядом. Тогда Линь Юэ закрывала чайную, вешала на дверь табличку «перерыв» и вела гостей в задние комнаты.

Свободное время «мать» проводила за партией в вэйци, расставляя черные и белые камни. Бесконечная партия против самой себя. Чень Си иногда приезжала, садилась напротив, и так проводила вечер. Играть ее не звали. Она просто смотрела, как Линь Юэ передвигает камни, и молча пила чай, слушая отрывистые шелчки камней по доске.

Линь Юэ не поднимала глаз, только кивала, когда Чень Си входила. И со временем молчание между ними стало привычным, почти уютным.

В ту пятницу Линь Юэ позвонила поздно вечером. И сухо скомандовала, без приветствий, как и всегда:

– Собирайся. Завтра выезд в шесть утра. Поедем загород.

Чень Си не спросила куда, не спросила зачем. Повесила трубку и достала из шкафа пальто. И, подумав, повесила зонт у входа.

На завтра в Хуайчене обещали дожди.

Глава 6. Храм

Они выехали на рассвете. Линь Юэ снова вела машину сама, и Чень Си уже знала – то, что они делают, не должен узнать никто.

На этот раз они почти час ехали на север от города, а затем еще полчаса вверх по серпантину в горы. Вся машина, одежда и волосы пропитались горьковатым запахом хризантем – на заднем сидении Линь Юэ положила два букета, обернутых хрустящей гофрированной бумагой.

Она остановила «Бьюик» у входа на старое кладбище, прямо под выцветшей от дождей и ветров большой вывеской «Кладбище ТяньСянь. Места захоронений 24-90».

Чень Си до этого никогда здесь не была – ряды могил ярусами опоясывали гору, поднимаясь к вершине. Серые и белые надгробия, каменные лестницы, и таблички с именами, которые никто не читал чаще, чем пару раз в год. По центральным аллеям зеленели уходящие в небо строгие стрелы кипарисов.

Резкий горный ветер налетал порывами, взметая с земли пыль с листьями. В горах небо – ближе. Тучи неслись прямо над самой головой, как будто спешили скрыться за горизонт до начала дождя. Пахло прелыми листьями, и едва уловимым дымом благовоний.

Линь Юэ вышла из машины, взяв оба букета белых хризантем. Чень Си пошла следом, подняв воротник и зябко кутаясь в пальто.

Протяжно зазвонил храмовый колокол.

Они поднялись по каменной лестнице вверх на несколько ярусов. Линь Юэ осмотрелась, и они пошли еще выше, пока не достигли мест старых захоронений. Она остановилась у одной из могил, в тени вековых кипарисов, почти у самой ограды, за которой дальше была только пустота – горный обрыв резко уходил вниз.

Даже не взглянув на имя, она бросила цветы рядом с каменной плитой, наполовину заросшей влажным зеленым мхом. Чень Си попыталась прочесть имя, но увидела только первый из выцветших иероглифов – «Фу». Букеты упали небрежно, как ненужная вещь, осыпав землю белыми лепестками.

Линь Юэ огляделась, и скомандовала, поманив Чень Си к деревьям у самого обрыва.

– Иди сюда, здесь будет хорошо видно. Встань за ствол и не светись.

Чень Си прислонилась к шершавому кипарису и проследила за ее взглядом.

Ярусы могил опоясывали гору по кругу, уходя по спирали вниз. Они стояли в самом центре почти сверху. Отсюда открывался отличный вид на соседнюю гору – там, среди старых кипарисов и каменных плит, чернел храм. Внизу расстилалась долина, холмы, изгибы дорог.

Храмовую территорию было видно как на ладони – огромная площадь, обнесенная высокой стеной с черепичным гребнем. Массивные деревянные ворота на входе, потемневшие от постоянных дождей и влажного воздуха, украшенные заклепками. У створок открытых ворот, как часовые, замерла охрана в черных плащах. Маленькие фигурки людей и машин выглядели, как игрушечные. И Чень Си насчитала четыре поста только с этой стороны.

К храму вела одна единственная узкая дорога, петлявшая серпантинном, и по ней медленно ползла вверх длинная вереница автомобилей.

– Не высовывайся, – Линь Юэ дернула Чень Си за плечо, возвращая под сень деревьев, и достала из сумки военный бинокль. Подкрутила, настроила, поднесла к глазам и всмотрелась, и только потом передала Чень Си.

– Смотри внимательно. Сегодня ты увидишь всех, кто управляет этим городом. Запомни их лица. Если тебе когда-нибудь придется встретиться, ты должна знать, кто это.

Чень Си поднесла бинокль к глазам – кругом полно охраны. К монастырю уже подъезжали машины, и из них выходили люди.

– Чжао Боцзюнь, – произнесла Линь Юэ почти беззвучно, глядя на дорогу. – Видишь – тот высокий, с тростью, в сером пальто с каракулевым воротником? Идет медленно, ни на кого не смотрит.

Чень Си кивнула, и повернула колесико, чтобы настроить резкость – увидеть выражение лица.

– Боцзюнь – старейшина и глава клана Чжао, – продолжила Линь Юэ, наблюдая за тем, что происходит внизу. – Ему плевать на всех, кто моложе шестидесяти. Юй Ханя до сих пор считает выскочкой. Рядом с ним – сын, Чжао Цзиншэн, наследник. Предпочитает держаться в тени отца, даже сейчас, посмотри – держится на полшага позади. Почти никогда не говорит первым, опасен, как притаившаяся змея.

Чень Си задержалась взглядом на молодом спокойном мужчине в западном костюме, в очках с черной оправой, который совсем не выглядел таким, как его описали.

Она перевела бинокль на следующую машину – у ворот остановились два военных внедорожника.

– Коренастый с короткой шеей – Ло Чжэн, – продолжала Линь Юэ. – Тот, что сейчас закурил, видишь? Глава клана Ло, они держат транспорт и порт. Его брат Ло Лянь – в кожаной куртке, стоит у машины – заместитель и правая рука. На сходках обычно не говорят, больше слушают, а потом продают то, что услышали, – в голосе Линь Юэ отчетливо звучало презрение.

– А кто эта женщина? – Чень Си перевела взгляд на серебристый «мерседес», двери которого открыл водитель.

– Фан Юйцин – глава клана Фан. Их сфера – шелк и текстиль. Три года как вдова. Все ждали, что она сломается, – не сломалась, держит клан железной рукой. Видишь, поправляет воротник? Этот жест означает, что она нервничает. Но никто, кроме нее, об этом не знает.

Рядом с женщиной шагал юноша – высокий и тощий.

– Ее сын – Фан Сяовэнь, наследник. Он твоего возраста. Говорят, он даже не от старика Фана, – пояснила Линь Юэ.

Чень Си смотрела на худого угловатого юношу, он двигался порывисто и нервно, шагал быстро и резко оборачивался.

– Слишком горяч. Если Юйцин передаст ему клан – долго не продержится, – постановила Линь Юэ.

Чень Си перевела бинокль дальше. Из черной машины, не застегнув пальто, выскочил мужчина и рассмеялся, хлопнув водителя по плечу, и что-то сказал. Она пожалела, что на таком расстоянии нельзя услышать, что они говорят.

– Это Се Чжисюань – глава клана Се. Их сфера строительство и теневой бизнес. Шумный и любит, когда на него смотрят. Се застроили полгорода, без него Хуайчен выглядел бы иначе. Все знают это и поэтому терпят.

Следом из неприметного серого седана вышел человек в скромной одежде. Он не оглядывался, не искал никого глазами, и ни с кем не здоровался. Просто шел спокойно без всякой суеты прямо к воротам, спрятав руки в широких рукавах.

– Бай Цзинь, глава клана Бай. Они контролируют лекарства в городе и контрабанду с запада. Он поставляет лекарства в больницу, где ты работаешь. Самый незаметный и самый опасный, считается вторым в городе после Юй.

Чень Си присмотрелась внимательнее – кто в Хуайчене не знает аптеки семьи Бай? Мужчина не выглядел опасным, скорее наоборот – располагал к себе даже на расстоянии. И она первый раз ощутила любопытство. Если бы задание Линь Юэ не касалось клана Юй, а клана – Бай, то она не отказалась бы узнать о господине Бай Цзине больше.

– Бай, как белый, и цзинь, как «драгоценный и незаметный». «Чистое золото» и чистые руки, – усмехнулась Линь Юэ. – Запомни его лицо, он контролирует вторую половину теневого рынка. Встретишь – держись скромно и тихо. В Хуайчене не умирают без его молчаливого

разрешения. И в аптеках Бай не спрашивают, кому нужно лекарство. Последние годы кланы Юй, Се и Бай образовали негласный союз, они сейчас на вершине.

Чень Си сосредоточилась, изучив и лица ближайшего окружения главы Бай.

Почти одновременно с ним, но с другой стороны площади, появился еще один мужчина – практически выпрыгнул из белого «Кадиллака», в распахнутом пальто, с сигарой.

– Шэнь Цзюнь – глава клана Шэнь – вино и игорные дома. Шут, но шут с деньгами. Он здесь не для дела. Он здесь для того, чтобы все знали – он имеет право быть здесь.

Чень Си перевела бинокль на последних прибывших – они вышли из машин почти одновременно, как будто договорились.

– Лян Шаолун. Глава клана Лян из Линнаня. Их сфера – морские перевозки. Тот – загорелый, обветренный, в простой куртке, как будто только сошел с палубы. И Хуан Чжэнь – глава клана Хуан. Чай и пряности. Второй, тот что полный, в круглых очках, с простой деревянной тростью. Они оба из Линнаня, ты там была.

Чень Си кивнула, хотя узнавать было некого – она видела Линнань больше из окна больницы и с палубы парома. Гуляла только по рынкам и набережным, встретить кого-то такого уровня было сложно.

Пустые машины выстроились в ряд вдоль дороги. Водители группками держались поодаль – курили и переговаривались. Главы заходили в храм. Охрана рассредоточилась по периметру.

И тут из глубины храмовой территории к воротам вышел Юй Хань.

Он встал чуть в стороне от остальных – на верхней площадке ступеней, возвышаясь над всеми – «нефритовое дерево на ветру». И каждый из глав должен был пройти три пролета вверх, чтобы приветствовать его.

«Возомнил себя императором-драконом, – мелькнула мысль у Чень Си. Но она тут же одернула себя: он и есть некоронованный император этого города».

Она впервые поняла смысл выражений «подпирать небо и стоять на земле», и «одно слово весит, как девять треножников». Все, что писалось в книгах Линь Юэ о «муже благородном, холодном и чистом, как нефрит», очень подходило Юй Ханю.

Он был в привычном черном пальто, похожем по крою на военную форму, руки за спиной. Не суетился и не оглядывался, не проверял охрану. Просто стоял и ждал. Рядом с ним – помощник У, на полшага позади.

Главы подходили, склоняли головы, Чень Си видела, как шевелятся губы, на лицах появляются фальшивые улыбки.

Чень Си смотрела на него – и не могла отвести бинокль. Он стоял один, как будто окруженный невидимой границей, куда никому нет доступа. И только главы Се и Бай подошли ближе, Се Чжисюань даже хлопнул Юй Ханя по плечу, и только им двоим он подал руку. Остальные не удостоились такой чести, довольствуясь коротким кивком.

Юй Хань не двигался, не улыбался, и был таким же холодным и неподвижным, как каменная чаша для благовоний рядом. И казался таким же неживым.

Главы Се и Бай прошли внутрь монастыря, глава Се смеялся, запрокидывая голову, и Чень Си снова подумала, насколько было бы проще, если бы это был другой человек. Не Юй Хань.

– Сегодня очередная годовщина смерти, они собрались, чтобы почтить память Юй Фэна, – продолжила вполголоса пояснять Линь Юэ. – Бывшего главы клана Юй. Официальная причина, чтобы отдать дань уважения. Неофициальная – обсудить проблемы на западных рынках и отчитаться перед столичными, поделить то, что еще не поделено.

Линь Юэ прислонилась к дереву за спиной Чень Си, и порыв ветра донес запах лилейника и благовоний.

– На самом деле их всех объединяет только одно – страх. Каждый из них боится Юй Ханя, даже если не показывает этого. И каждый боится, что однажды столица снова решит – этот город пора зачистить, и их клан будет тем, кого принесут в жертву. Они как богомолы на одной веревке, страх и невозможность уйти крепко держит их вместе. Они ненавидят друг друга, но вынуждены улыбаться и сотрудничать.

Чень Си молчала, казалось, все интересное кончилось. Главы зашли внутрь, на прихрамовой территории остались только пустые автомобили, в сопровождении групп водителей и охраны.

Ветер трепал полы пальто, собирался дождь – сизые тяжелые от накопленной воды тучи плыли медленно и низко. Она подняла выше воротник и уже собиралась вернуть бинокль Линь Юэ, как внизу возникло движение. Серый грузовой неприметный фургон, каких сотни на улицах Хуайчэня, похожий на большого жука, медленно подъехал к боковым воротам храма.

Бинокль на мгновение потерял резкость, и когда Чень Си снова поймала фокус, фургон уже открыли и из кузова выбросили четверых связанных мужчин с мешками на голове. Двоих пнули, потом подняли и повели на территорию. Она не успела досмотреть – Линь Юэ резко вырвала у нее бинокль.

Связанных в сопровождении охраны затащили внутрь, воротам закрылись – и смотреть снова стало не на что.

Линь Юэ выругалась беззвучно, бросив бинокль обратно Чень Си.

– Кто это был? – спросила Чень Си осторожно. Линь Юэ не отрываясь смотрела на храм, и выражение ее глаз было очень плохим.

– Подарок на встречу, – процедила Линь Юэ сквозь зубы. – От Се Чжисюаня.

Чень Си очень хотелось спросить почему именно от главы Се, откуда наставница знает это и этих четверых, но посмотрев на профиль Линь Юэ, не решилась. И она очень жалела, что не рассмотрела господина Се повнимательнее.

Они стояли в тени кипарисов еще несколько минут, Линь Юэ продолжала смотреть в сторону ворот, как будто чего-то ждала. Чень Си стало скучно – ниже на несколько ярусов могильных рядов появились люди, и она направила бинокль туда.

В тишине раздался резкий звук – потревоженные птицы вспорхнули вверх черными стаями со всех окрестных холмов. Чень Си обернулась и треск раздался снова – последовательная серия выстрелов, как треск автоматной очереди. Звук гас медленно, постепенно затихая между горных вершин.

Боковые ворота храма открылись, и оттуда по земле поволокли четверых, как мешки. На плитке оставался отчетливый темный след до самого фургона.

Руки Чень Си задрожали, когда она попыталась настроить резкость, во рту сразу стало сухо и кисло. Она очень хотела отвести взгляд, но не могла.

Через пару минут в горы вернулась тишина. Фургон с мертвым грузом уехал, храм остался тих. Птицы снова расселись на ветках.

Сзади раздался щелчок зажигалки, и запахло дымом. Линь Юэ глубоко затянулась, глядя на вершины гор. Наставница курила вне дома первый раз – это не соответствовало образу «приемной матери».

– Запомни это, – произнесла Линь Юэ, глядя на нее. – С кем ты будешь иметь дело. Так заканчивают те, кого сочтут предателями.

Седых волос у наставницы стало почти в два раза больше, чем когда она приходила в приют. И Чень Си впервые поняла, что эти три года были беспощадны не только к ней.

Она посмотрела вниз. Извилистый широкий темный след на плитах было видно отчетливо – от боковых ворот до фургона.

– Но раз это не храм? Разве...

– Это гора – Юй, – перебила Линь Юэ резко, выдохнув на нее облако дыма. – И монастырь тоже – Юй. Те, кто много грешат, всегда хотят, чтобы за них молились, – выплюнула она. – Думая, что так можно искупить все грехи.

Внизу на соседней горе снова ударили в храмовый колокол – звук плыл вокруг раскатисто и гулко, постепенно затихая. Высоко в небе сверкнуло и над горами прокатился первый удар грома.

Линь Юэ убрала бинокль в сумку, а затем долго ровняла маленькую площадку у безымянной могилы, выдернув сорняки. И, немного поискав, достала из кармана сумки несколько палочек благовоний. Отделила четыре и сунула во влажную землю, а потом чиркнула зажигалкой и зажгла.

Струйки дыма, извиваясь, потянулись в потемневшее небо. Чень Си вдохнула – этот запах уже пропитал весь их дом.

Линь Юэ молчала, глядя на храм. Дым летел в небо. А затем она достала пачку и, подумав, выложила рядом с четырьмя палочками благовоний – четыре сигареты. По одной на каждую.

Чень Си не знала, кто эти четверо в мешках, но видела, как немного подрагивали пальцы Линь Юэ, когда она бережно, почти нежно, ровняла сигареты – одну к одной.

– Идем. Сегодня ты увидела даже больше, чем нужно. – Линь Юэ резко развернулась и пошла, не оборачиваясь. Два букета хризантем так и остались лежать на соседней могиле.

Чень Си подняла воротник, сунула руки в карманы, кутаясь в пальто, – ее отчетливо била дрожь, – и пошла следом.

На верхней площадке каменной лестницы она еще раз обернулась на храм. Тяжелые деревянные ворота оставались закрытыми. Как будто за этими дверями – другой мир, двери отделяют мир обычных людей от мира теней и власти. Туда можно войти, если пригласят, но уже нельзя выйти.

Лестница уходила вниз, ступени скользили от влаги, но Чень Си не торопилась. Ветер рвал полы пальто, первые капли дождя уже били по каменным плитам, смывая следы. Линь Юэ спускалась впереди, не оглядываясь, ее силуэт быстро растворялся в серой дымке холмов.

Она спускалась в город, где дождь уже смыл границу между наблюдателем и объектом. И где ей предстояло не просто смотреть, а быть увиденной.

Они дошли до машины, Линь Юэ достала ключи – и в этот момент зазвонил телефон. Она поднесла трубку к уху и не произнесла ни слова – только слушала. Потом, закончив разговор, посмотрела на Чень Си.

– Приехал господин Чу. Завтра он хочет видеть тебя, – сказала она. – Будь готова.

Сверху редкие капли дождя застучали быстрее, и потом резко хлынул проливной ливень. Чень Си вымокла почти сразу, но даже не вспомнила про зонт, оставшийся в машине.

Линь Юэ уже села в «Бьюик» и завела двигатель, а Чень Си так и стояла, не двигаясь, уже промокшая до нитки. Холодный дождь стекал по лицу, и затекал в воротник.

Она не видела господина Чу с того первого раза, но помнила каждое его слово.

«Приехал тот, кто сказал „в расход“».

Враг.

Которому она должна завтра непременно понравиться.

Линь Юэ до самого вечера не произнесла ни слова. Приехав домой она взяла бутылку «фэньцзю» и заперлась в гостиной. Чень Си осталась одна в большом пустом доме.

Вымылась, приняла горячую ванну, напилась чаю, но так и не смогла согреться. Внутри было холодно. Темные следы на плитке от боковых ворот до фургона так и стояли перед глазами. В голове крутился бессмысленный вопрос: Кто убирает следы? Кровь смоят служители храма, или... они просто подождут, пока все смоем дождь?

Ночью ей снова снились кошмары.

Гроза, дождь, выстрелы. Автоматные очереди. Лицо человека под черным зонтом, которое никак не удавалось увидеть, стало лицом господина Чу. Который тыкал в нее тростью и смеялся, командуя – «эту в расход».

Чень Си промаялась до утра, и смогла заснуть только к рассвету, оставив настольную лампу гореть всю ночь.

Свет может разогнать тени, но не может убить их полностью. Как только на город опустится тьма, они вернуться снова.

Они всегда – возвращаются.

Глава 7. Экзамен

Утром Чень Си заболела. От вчерашнего дождя или бессонной ночи, она не знала, но знала, что была хороша. Некоторых страдания старят, накладывая скорбный отпечаток, Чень Си в страданиях расцветала. Глаза влажно блестели от температуры, щеки полыхали румянцем, горячие губы пунцовели. Господин Чу прошлый раз поэтично сравнивал Сунь Лань с орхидеей, этим утром она не уступила бы ей. Как нераскрывшийся бутон пиона, едва тронутый прохладными каплями росы.

За месяц до первой запланированной встречи с «господином Юй Ханем» Линь Юэ спрашивала ее:

- Ты готова?
- К чему?
- Проверить чему ты научилась.

Тогда она промолчала, этим утром она ответила бы: «да». Она чувствовала себя готовой.

Линь Юэ привезла ее в старый особняк на холме. Оттуда открывался вид на весь Хуайчен – серые крыши, дым над трубами, извилистый изгиб черной, как мазут, Хуанпу.

Кабинет господина Чу встретил их запахом остывшего табака и старого дерева. Дверь закрылась без звука, отрезая комнату от внешнего мира. За массивным столом сидел мужчина, снова в дорогом западном костюме, и единственное, что выдавало его присутствие, — трость из черного дерева с серебряным набалдашником. Он не встал, чтобы поприветствовать их, и не улыбнулся.

Он опирался на трость и изредка постукивал ею в определенном ритме. Он снова смотрел на нее без интереса – как на товар, а не как на женщину. Так смотрят на собаку на выставке; на чашку, которую собирается перевернуть, чтобы проверить клеймо – соответствует или нет.

Чень Си чувствовала, как внутри все скрутилось в узел. Не от страха – от отвращения. Это был не допрос, это была приемка. И она уже знала, что от нее ждут – идеального, безупречного подобия.

– Это господин Чу, – сказала Линь Юэ. – Вы уже знакомы. Он захотел лично посмотреть на тебя.

Чень Си сделала шаг вперед. Опустила глаза, поправила прядь волос – небрежно, как будто случайно. Улыбнулась застенчиво и немного робко.

«Сдохни», – подумала она, но улыбнулась снова. Очень нежно.

– Здравствуйте, господин Чу.

Он поднял бровь, и указал концом трости место:

– Садись.

Она села. Не на край стула – не слишком напряженно и не слишком расслабленно. Так, как учили: чуть наклонив корпус вперед, руки на коленях – открытая поза, не вызывающая подозрений. Поза человека, которому нечего скрывать. Даже когда есть.

– Что ты умеешь лучше всего? – спросил Чу, вальяжно откинувшись в кресле.

– Слушать.

– Это все?

– Это главное. Мужчины хотят, чтобы их слушали. Хотят чувствовать себя умными, сильными, нужными. И я дам ему это чувство.

– А если он сразу захочет большего?

– Я не дам ему повода, буду держать дистанцию. Близко, но не слишком, доступно, но не дешево.

– А если он все равно захочет большего?

– Тогда я скажу, что хочу сохранить себя для свадьбы. Что я – из старой семьи, и что моя мать учила меня, что невеста должна быть чистой.

– А если он сделает предложение? – спросил Чу, поигрывая тростью.

– Мне следует согласиться, – послушно ответила Чень Си так, как учили.

Он посмотрел на нее долгим взглядом, встал, медленно обошел вокруг. Приподнял прядь волос, пропустив через пальцы, понюхал. Провел рукой по шее, погладил щеку, подцепил сережку и покачал.

Потом перевел глаза на Линь Юэ. Та едва заметно кивнула.

– Неплохо, – сказал он. – А теперь улыбнись.

Она улыбнулась. Тепло, искренне и открыто, изо всех стараясь удержать тошноту.

– Отлично. А теперь посмотри на меня так, будто я – единственный мужчина в мире, который тебе нужен.

Чень Си подняла глаза. Задержала взгляд на секунду дольше, чем нужно. Опустила ресницы, снова подняла.

– А теперь поцелуй меня. С благодарностью, как будто ты мне очень признательна, и я – самый дорогой для тебя человек.

Чень Си изящно встала, сделала пару мелких легких шажков вперед, остановилась перед мужчиной, со смущенным колебанием, а потом быстро приподнялась на цыпочки и оставила теплый след в уголке чужих губ, робко и невесомо.

Усы господина Чу кололись, и от него отвратительно пахло сигарами.

«Терпи», – сказала она себе. – «Считай вдохи. Раз-два-три. Это просто задача».

– Неплохо.

Она не выдохнула, не расслабилась. Только кивнула. Никто не увидел, как дрогнули ее пальцы.

– У тебя есть один недостаток, – сказал Чу.

– Какой, господин?

– Ты слишком контролируешь себя. Каждое движение выверено, каждый взгляд отрепетирован. Обычная девушка не может быть такой идеальной. Она ошибается, она смущается по-настоящему. Краснеет, когда краснеет, а не когда нужно.

Чень Си опустила глаза.

– Я учту, господин.

– Учти. Иначе он поймет. Юй Хань не дурак, он заметит фальшь. Он живет в мире, где любая фальшь будет стоить жизни.

Господин Чу покровительственно кивнул Линь Юэ и вышел, взяв трость подмышку.

Чень Си тошнило и очень захотелось вымыть рот с мылом. И тереть до тех пор, пока с губ не исчезнет чужой запах и горький отвратительный привкус табака.

И ощущение, что ее только что взвесили на весах. И признали годной. Как безупречный фарфор, на который поставили клеймо.

Вечером накануне «первой встречи с объектом» Чень Си осталась в доме «матери».

Слишком ответственным был день – Линь Юэ хотела проверить каждую деталь лично.

В ее комнате, помимо необходимых вещей, были десятки фотографий, сотни. На стенах, дверцах шкафа и даже на зеркале, в которое она смотрелась по утрам, была прикреплена фотография Юй Ханя.

Она изучила его лицо до последней черточки лучше, чем свое собственное. И «мать» рассказывала о господине Юй за последние годы так много и с такими подробностями, что ей уже казалось, она знает его лучше, чем себя.

Ее комната была наполнена миром Юй Ханя.

Его дом. Его машина. Его невеста. Его окружение. Второй сын семьи Юй. Помощник главы господин У. Помощник главы господин Тай. Начальник охраны. Управляющий. Инвестиционный директор концерна группы Юй. Водители, охранники, служанки.

Везде – Юй Хань.

Со временем она привыкла говорить с ним, потому что больше было не с кем.

Сначала просто жаловалась. Иногда, очень тихо. Какие трудные тренировки, и как она устает. Рассказывала о новостях в больнице и на практике. Выговаривала ему за то, что он выбрал в невесты именно Сунь Лань, не мог найти кого-то попроще, и более похожую на нее – Чень Си. Чокалась бокалом с шампанским с его фото по праздникам.

Юй Хань на фото был идеальным собеседником: никогда не возражал, никогда не спорил, никогда не говорил, что у него нет на нее времени, и всегда был готов выслушать все, что она скажет.

Чень Си открепила фото от зеркала и положила перед собой:

– Господин Юй, вы рады? Завтра мы наконец-то встретимся... Господин Юй-Хань, – произнесла она по слогам. – Господин-глава-клана-Юй...

Она знала, что означает «Юй» – нефрит. Драгоценный камень. Символ чистоты, благородства и власти. А «Хань» – это холод. Зима и мороз. Вместе – «нефритовый холод». Драгоценный лед. Красивый. Твердый. Смертельный.

Его назвали в честь холодного нефрита, и он оправдывал свое имя. Господин Юй уже три года смотрел на нее на фото ледяными глазами.

«Ты еще не знаешь меня, но я тебя – знаю. Я смотрела на твои фотографии тысячи раз. И завтра твоя очередь смотреть на меня...». Она отвернулась от отражения в зеркале.

Этого момента она так долго ждала, и хотела, устав ждать. И – боялась. Чего было больше – желания или страха, она не знала. Но знала, что у всего есть предел. И у страха и ожидания – тоже.

«Завтра я стану тенью Сунь Лань. Копией чужой невесты. Репликой, которая так похожа на оригинал. Подделкой. Но если однажды все закончится для меня хорошо, может быть тогда я смогу вернуть себе – себя.

Если еще буду помнить, кто я».

Глава 8. Первые встречи

Хуайченская центральная больница №1

Больничный парк

Чень Си работала в Первой больнице уже полгода, когда в вip-отделение поступил господин Юй Хань – восстанавливаться после огнестрельного ранения. Планировать первую встречу они начали месяц назад, и Чень Си не спрашивала, откуда «мать» заранее знала точную дату покушения. Главное – он наконец-то был здесь, она устала от бездействия.

Но Линь Юэ снова сказала подождать неделю, и только потом начинать «игру». Последние штрихи в план вносили вчера, платье для первой встречи «мать» принесла накануне.

Не просто белое, как любила Сунь Лань, а немного темнее – благородного оттенка слоновой кости. Та же ткань – тонкий шелк, тяжелый и холодный. Тот же покрой – строгий, с длинными рукавами и высоким воротником.

«Он помнит этот силуэт, – сказала Линь Юэ, поправляя ей застёжку. – Не говори ни слова, просто сиди. Пусть смотрит».

Она надела ципао. Тяжелые волосы – гладко зачесаны назад и собраны в низкий пучок, который удерживает одна единственная нефритовая шпилька – белая с тонкими зелеными прожилками. Сунь Лань носила эту прическу, когда работала. Практично, элегантно и строго. Точно, как на фото в досье.

Минимум украшений, только тонкий браслет на левое запястье. Сунь Лань не любила ничего лишнего, и, потому что сейчас она – Чень Си – девушка из семьи с очень скромным достатком.

«Ты – не она, – напомнила Линь Юэ, пристально глядя ей в глаза в зеркале. – Ты – воспоминание. Как сон, который он забыл, но не может отпустить».

Парк при больнице был старым – почти ровесником самого здания. Его разбили еще при императоре, когда в моде были европейские сады, но китайские садовники переделали все по-своему: добавили извилистые дорожки, чтобы злые духи заблудились и не нашли путь к больным, посадили баньяны, чьи корни сейчас взламывали плитку, и установили каменные фонари, которые зажигали в сумерках, чтобы умершие не спутали больницу с загробным миром.

Чень Си выбрала скамейку у фонтана. Не ближнюю к корпусу – слишком заметно, не дальнюю – слишком подозрительно. Третью слева, под старым баньяном. Отсюда был виден главный вход в вip-крыло. Отсюда ее не видели охранники у дверей, но как только он выйдет – заметит ее сразу, когда пойдет по аллее.

Линь Юэ сказала: «Он гуляет в это время каждый день. Ходит по парку один в сопровождении охраны и думает, что его никто здесь не узнает».

Чень Си поправила прядь волос за левое ухо, как учили, и открыла книгу. Старое издание стихов Ли Бо – потрепанный переплет с пожелтевшими страницами. Линь Юэ нашла его в букинистической лавке на Лок-роуд среди пыльных раритетных томов. Говорили, что Сунь Лань читала похожее издание, теперь Чень Си держала его в руках.

Ветер шевелил страницы. Она перевернула одну. Не читала – ждала.

Парк был почти пуст. Черные вороны молчаливо следили за ней с веток баньянов. Фонтан тихо журчал – вода стекала по каменным чашам, сглаживая края. Старые кипарисы упирались кронами в небо. Где-то вдалеке за больничной оградой на улице прозвенел подъехавший к остановке трамвай.

Она почувствовала его раньше, чем увидела. Воздух стал тяжелее, плотнее, как перед грозой. И только потом услышала шаги. Твердые и уверенные. Мужчина не торопился – у него не было причин спешить.

Он поравнялся с ней, Чень Си не обернулась. Только чуть наклонила голову и приподняла ровно настолько, чтобы свет упал на лицо, и он заметил профиль.

Он прошел мимо, не глядя в ее сторону. Высокий, широкоплечий, в темном, распахнутом настежь пальто, несмотря на промозглую погоду. Прошел, как будто она была частью пейзажа – камнем или деревом.

Он не показал ничего, но его шаги замедлились на доли секунды. Он замер и остановился почти рядом, повернул голову и посмотрел.

И этого было достаточно.

Она не видела его лица – только силуэт на фоне неба. Но она чувствовала его взгляд. Давящий, острый, как лезвие.

И от этого взгляда волоски на шее сзади встали дыбом. Она бы предупредительно зашипела, как кошка, почувствовавшая угрозу, если бы могла. Но она не обернулась и даже не подняла головы. Просто неторопливо перевернула очередную страницу, наслаждаясь отдыхом.

Он развернулся и пошел дальше. Охрана следовала за ним на расстоянии пяти шагов.

Чень Си бросила короткий взгляд ему вслед. Он за два года стал более усталым, но совсем не изменился в остальном: то же черное пальто, военная выправка. Даже со спины он был похож на императора, который случайно забрел в парк для бедных. Она помнила из досье, что на большом пальце левой руки господин Юй постоянно носит фамильную печатку с иероглифом «верность», а на правой – четки из черного нефрита.

Она присидела на скамейке еще пять минут, а потом закрыла книгу. Встала и медленно пошла к выходу, не оглядываясь. Она спиной чувствовала, как он смотрит ей вслед.

Это – хорошо. Это значит, зерно упало в правильную почву.

Она свернула за поворот, и только тогда позволила себе выдохнуть и немного расслабить напряженные плечи. Незаметно вытерла вспотевшие ладони о край подкладки в карманах и пошла дальше летящим уверенным шагом человека, которому наконец-то разрешили действовать. Чувствуя страх, возбуждение и немного любопытства.

Чень Си даже приблизительно не могла представить, какие чувства сейчас должен испытывать господин Юй.

Что должен чувствовать человек, когда видит кого-то неуловимо похожего на любимую, которая уже девять лет как мертва?

Она спланировала вторую встречу через два дня.

Общий коридор первого этажа, время – сразу после обхода. Линь Юэ сказала: «Он возвращается в палату после процедур, и ты должна быть там. Не смотри на него, просто пройди мимо».

Чень Си ждала за углом, прижимая к груди стопку свежего белья. Простыни были еще теплыми – их только принесли из прачечной, и пахли чистотой и свежестью. Обычная медсестра, обычная работа. Тонкий едва уловимый запах жасмина смешивался с ароматом свеже-стиранного белья.

Сунь Лань любила духи «Весенний жасмин». Аромат белого жасмина, невесомый, как кружево, с холодными нотами бергамота, которые вспыхивали цитрусовыми искрами – как солнечные зайчики на воде. Этот запах звучал, как смех в весеннем саду, обещая, что всё будет хорошо. И совсем не подходил Чень Си.

Но Сунь Лань любила жасмин, и выбора не было – только стать другим жасмином. Линь Юэ пригласила к ней старого мастера из провинции, чтобы создать личный парфюмерный почерк – аромат-тень.

Старик провел с ней целый день и создал то, что она сейчас носила – «Жасмин в тумане». Никакой сладости или радости, только прохладная свежесть, как утренний туман над рекой,

пока город ещё спит. Лепестки жасмина иначе пахнут в прохладном и влажном воздухе, покрытые каплями росы. Мастер добавил ноты чистого зеленого чая и сухой кедровой стружки, придал аромату строгость чайной церемонии, убрал невинную мягкость мускуса Сунь Лань, а в шлейф вплел амбру – как тепло нагретого на солнце камня на закате.

Она наносила его, как наносят маску перед выходом на сцену – ровно столько, чтобы зритель поверил. И ни капель больше.

Сейчас она звучала именно так – ее окружал неуловимый туманный шлейф, который остается на теплой коже после чашки утреннего чая, чистый и строгий, как едва уловимая тень прошлой любви. Запах жасмина, который он должен вспомнить.

Она услышала его шаги раньше, чем увидела. Господин Юй не спешил – у него не было причин спешить.

Она выдохнула и шагнула в коридор.

Шаги Юй Ханя были медленными и размеренными. Он не уступал дорогу – ему уступали. Охрана следовала за ним на расстоянии. Даже тщательно выглаженный халат, небрежно наброшенный на плечи сверху, смотрелся на нем, как военная форма.

Они разминулись в двух шагах. Она опустила голову, делая вид, что поправляет белье. Длинный изгиб белоснежной шеи, склоненной в покорности, белые простыни, бледные руки – все сливалось в единую картину обыденной безопасности. Он прошел мимо, не глядя по сторонам.

Его шаг замедлился – не остановился, не обернулся, но замедлился. Он – заметил.

Чень Си продолжала идти вперед, не оглядываясь. Держа перед собой простыни, как щит.

Он остановился через несколько шагов, в конце коридора – просто замер, и разом все движение остановилось. Все ждали.

Она снова чувствовала, как он посмотрел ей в спину, его напряженный взгляд на своей макушке, на волосах, на нефритовой шпильке. Она снова надела ее специально сегодня. Под халатом – то же белое платье, что и в парке. Если он смотрит внимательно, то увидит край ворота.

Она свернула за угол и только там позволила себе перевести дыхание. Стопка простыней в ее руках – дрожала.

Через два дня в ординаторской, когда она сдавала смену, ее отвела в сторону знакомая медсестра. Молодая с круглым лицом и любопытными глазами, живая и подвижная, как ртуть.

– Ты не поверишь, сегодня про тебя спрашивали, Си-Си! – она тихо рассмеялась, оглядываясь на дверь. – Один из охранников со второго этажа из випов. Такой, высокий с родинкой на щеке. Спрашивал, давно ли работаешь тут, как часто гуляешь в парке, что тебе нравится... – она прикрыла рот ладонью, глаза блестели в предвкушении сплетен. – Вы знакомы?

Чень Си равнодушно качнула головой.

– Нет. И что ты сказала?

– Сказала, что ты уже полгода у нас. Настоящий книжный червь, ответственная и очень воспитанная, тебя все хвалят, – она звонко рассмеялась. – А потом он спросил про твой распорядок смен... Признавайся, Си-Си! Раньше этот охранник был как статуя, я думала, вообще говорить не умеет...

– Не выдумывай лишнего.

– Ладно, не хочешь говорить – не надо. Но ты ему понравилась, точно тебе говорю, – она надула губы и умчалась, шурша накрахмаленным халатом.

Чень Си неторопливо налила себе чаю и долго водила пальцем по ободку чашки, пока чай совсем не остыл.

Нужно бросить камень, чтобы узнать дорогу. Линь Юэ сегодня будет ею очень довольна.

Третья, тщательно спланированная встреча, была вечером через пять дней у бокового входа в больницу. Она стояла в группе коллег, ожидая трамвай. Кто-то рассказывал глупую историю про заведующего, девушки беззаботно и звонко смеялись.

Она смеялась вместе с ними. Мелодично и открыто, запрокинув голову, смехом Сунь Лань, который она репетировала десятки часов. Каждый звук и каждая интонация были выверены и отточены.

Линь Юэ отдала ей расписание на маленьком клочке бумаги: «Он прогуливается недалеко от входа в это время. Каждый день выходит подышать перед сном. Пусть увидит тебя, услышит твой смех и голос».

Она смеялась, не оборачиваясь. Но знала – он там. Чувствовала его взгляд, который уже начала узнавать – тяжелый и горячий. Почти осязаемый, он касался ее так, как чужое дыхание касается шеи.

Подъехал старый трамвай, с потрепанными сиденьями, пахнувший сыростью железа и прелой листвой, налипшей на подножки.

Чень Си села у окна и только тогда позволила себе бросить короткий взгляд на больничные ворота. Господин Юй стоял на тротуаре, в окружении пары охранников. В черном пальто, опустив руки в карманы, и долго смотрел на удаляющийся трамвай.

На следующий день Линь Юэ «дернула за ниточки» – ее перевели в другое отделение и сменили график.

– Отступить, чтобы наступать, – сказала она по телефону, голос был сухим, как шелест бумаги. – Пусть поймет, что не может контролировать все вокруг. Мужчины, как Юй Хань, ненавидят, когда что-то ускользает, или находится вне его контроля. Чем дольше ты будешь недоступна – тем сильнее он захочет.

Но он не искал. Охранник больше не спрашивал о ней. Прошло три дня. Четыре. Пять.

Чень Си уже начала сомневаться, но на шестой день ее вызвали к Заведующему.

– Вас переводят, – сказал он, не поднимая глаз от документов. – Но теперь будете работать на втором этаже в vip-отделении. Распоряжение сверху.

– Чье? – поинтересовалась Чень Си с положенной случаю степенью удивления и послушания.

– Не мое.

Чень Си вышла из кабинета и, наконец, расслабилась. Ждать, когда мужчина сделает первый шаг, оказалось очень утомительно.

«Теперь он ждет, когда я сама приду к нему. И я приду, потому что он не оставил мне выбора».

Хуайченская центральная больница №1

Vip-отделение второго корпуса

Ее поставили на смену на новом месте только через день. Перед тем, как войти на этаж, она глубоко вдохнула. Поправила халат – белый, строгий, без единой складки. Надела на лицо спокойную маску – ту, что учили два года – профессиональную и чужую, и нажала кнопку вызова.

За дверью раздались тяжелые шаги. Охранник – тот самый, высокий с родинкой на щеке – открыл. Посмотрел на нее, на бейдж, на лицо.

– Новенькая? – спросил он.

Она кивнула, доброжелательно улыбнувшись.

– Чень Си. перевели сюда позавчера. Прием лекарств, перевязка, обед.

Он помолчал, а потом отступил на шаг. Не пригласил и не сказал «входите». Она вошла. Коридор VIP-крыла был другим. Не серым, как в общей больнице, а белым – мраморным. Пол блестел, зеленые растения в кадках тянулись к потолку. Никакой суеты, никаких посетителей, только безмолвная охрана у каждой двери. Она прошла до конца. Остановилась перед дверью с табличкой: «Палата № 4. Особый режим».

Охранник здесь был другим – моложе, но жестче. Он не спросил, кто она. Взял у нее бейдж, сверил с бумагой в планшете, и кивнул.

Палата была не похожа на больничную. Слишком просторная и слишком тихая. Обычные палаты пахли лекарствами и хлоркой. Здесь пахло сандалом, дорогим табаком и совсем немного – выдержанным Шу Пуэром. Этот чай не бодрил, он не был резким и пряным, как Жоу Гуй, который любила пить Линь Юэ. Чень Си незаметно вдохнула и невольно подумала: «Этот чай – для моментов самой тяжелой усталости. Похоже... господин Юй очень устал?».

Окна были занавешены наполовину – плотная штора почти не пропускала свет. На тумбочке горела настольная лампа, окрашивая простыни в теплый, уютный желтый цвет.

Она вошла с подносом в руках. Обычная медсестра, выполняющая свою работу.

Он сидел в кресле у окна, медленно перебирая четки. За его спиной – серое небо Хуайчэня, далекие горы, очертания старых крыш. Дым над трубами поднимался вверх и растворялся в воздухе, смешиваясь с облаками.

Он увидел ее – и ничего не изменилось в его лице. Ни тени удивления, ни облегчения.

Только легкое, почти незаметное напряжение в плечах. Рука – на подлокотнике, неподвижная, как у статуи. Четки в правой руке на секунду замерли, застыв, но затем он снова начал медленно перебирать бусины.

– Вы, – сказал он. Одно слово. Без эмоций, без удивления. Без вопроса, просто констатируя факт.

– Здравствуйте, господин Юй, – ответила она спокойно. – Я ваша новая медсестра. Ваш обед и лекарства.

Она поставила поднос на столик, не глядя на него. Делала вид, что сосредоточена на тарелках – на белом рисе и зеленом чае. На палочках, которые она положила справа – как учили, потому что Сунь Лань всегда клала палочки справа.

Он смотрел. Молча.

– Чень Си, – произнес он, наконец. Отрывисто и сухо, по слогам.

Она подняла голову – он смотрел на ее бейджик. Она заметила, что он не носит больничную пижаму – только белую рубашку и черные брюки. Как будто отказывается быть пациентом, как будто сама мысль о болезни является оскорблением.

– Да, господин Юй.

– Я вас ждал.

Не вопрос – утверждение.

Она подняла голову. Он смотрел на нее. Черные глаза – холодные, как зимняя река подо льдом, гораздо ярче и пронзительнее, чем на фото. Но подо льдом – было что-то, что она не могла разглядеть. Сердце на секунду сбилось с ритма и застучало быстрее.

– Садитесь, – сказал он.

– Я на работе, господин Юй.

– Садитесь.

Не просьба, не приказ, а спокойное требование, которое нельзя не выполнить.

Она села на стул у двери: идеальная осанка, руки на коленях. Открытая поза, которая не вызывает подозрений. Так сидят правильно воспитанные девушки, которые носят ципао, так сидела Сунь Лань.

Он молчал. Пристально смотрел на нее, изучая, потом отвернулся к окну.

В палате было тихо. Так тихо, что она слышала, как бьется ее сердце, в такт медленным щелчкам бусин на его четках. Как будто он перекачивал между пальцами не нефрит, а пульс на ее горле. Снаружи по карнизу стучал дождь, часы на столике у кровати тикали, отсчитывая секунды.

– Вы можете идти, – сказал он, наконец. Четки остановились.

Она послушно встала.

– Я приду завтра, господин Юй.

Он ничего не ответил, продолжая смотреть в окно.

Глава 9. Сближение

Она приходила каждый день в одно и то же время – когда дождь еще не начинался, но небо уже серело, обещая хуайченский ливень к вечеру.

Он не говорил, не просил и не требовал, но кресло у окна было развернуто так, чтобы ловить отражение в мокром стекле. Его взгляд, даже когда он перебирал нефритовые бусины, был устремлен не на улицу, а на дверь – на ее силуэт, размытый дождем. И каждый раз, когда тяжелая ручка поворачивалась, его плечи опускались – на долю секунды, едва уловимо, но она уже начала учиться читать его тело, как карту.

Четки замирали, пальцы сжимались, а потом снова начинали двигаться – медленнее и тише. Он считал не часы – минуты, и пока этого было достаточно.

Чень Си ставила поднос на лакированный столик рядом с кроватью – фарфор деликатно звякал; привычно поправляла подушки отработанными движениями, меняла старые повязки. В палате было слышно только тиканье настенных часов, шорох одежды и шелест бинта, когда она разворачивала новый.

Он молчал, она молчала.

Пахло жасмином – Чень Си заваривала слабый чай каждое утро и пила его перед сменой, его легкий едва уловимый аромат смешивался с духами. Запах оставался на коже и губах, оседал на запястье и кончиках пальцев. Ее запах, не Сунь Лань. Она видела, как его ноздри чуть вздрагивали, когда она наклонялась ближе, как он запоминал ее запах.

– Почему вы молчите, господин Юй? – спросила она однажды, когда тишина стала особенно невыносимой.

Его пальцы медленно обвели ободок чашки. Пар поднимался вверх мягким облаком, растворяясь в полумраке. Он не поднял глаз, но четки на миг замерли.

– Я думаю.

– О чем?

– О вас, – он сказал это просто, как факт. Так же, как можно сказать – “сегодня идет дождь”.

– Что именно? – Пальцы Чень Си дрогнули, и она чуть не выронила бинт из рук.

– Все, – он наконец поднял глаза и посмотрел на нее – не сквозь, как смотрел обычно, как будто видел за ней кого-то другого, не через стекло или через отражение на темной лакированной столешнице. Посмотрел прямо, почти в упор, а потом снова отвернулся к окну.

Там, на мокром стекле, их силуэты на мгновение переплелись, сливаясь в одну тень. Разговор на этом закончился.

Через несколько дней она пришла раньше обычного. Господин Юй не спал – сидел в кресле, сжимая чашку с чаем, и, увидев ее, поставил на стол.

– Вы не спите, – сказала она, убирая посуду – чай оказался не тронут и уже совершенно остыл.

– Не могу.

– Бессонница?

Он не ответил, продолжая смотреть в окно. Чень Си подошла и встала рядом, соблюдая положенную для медсестры дистанцию.

За стеклом – привычно хмурое небо Хуайчэня. Где-то внизу дзинькал трамвай, пахло дождем и мокрым асфальтом, над больничным парком на тонкой нити дрожал на ветру бумажный змей. Дети упоенно визжали, но змей, трепыхнувшись в воздухе пару раз, упал, зацепившись за ветки баньяна.

Чень Си смотрела на змея и думала. Чтобы управлять правильно, необходимо регулировать натяжение нити – вовремя ослаблять, давая свободу, и вовремя натягивать, учитывая направление ветра. Если тянуть слишком сильно – игрушка упадет, если слишком ослабить натяжение – змей вырвется из рук и улетит. И нужно никогда не отрывать взгляд от цели.

Она перевела взгляд на господина Юй.

– В детстве я тоже запускала бумажных змеев, – произнесла Чень Си медленно.

Он повернул голову.

– Где?

– В горах, за городом. Там нет домов, только бескрайние поля и небо. И ветер – такой сильный, что кажется, он может унести тебя вместе со змеем.

– С кем? – спросил он равнодушно.

– С мамой.

Она не помнила свою мать, не помнила лица или голоса, и понятия не имела, запускала ли мать с ней змеев. Но Линь Юэ сказала, что каждому нужно иметь свою историю, такую, в которую он поверит.

– Она умела делать змеев из рисовой бумаги и бамбука, – продолжала Чень Си. – Мы запускали их весной, когда ветер дул с моря. Они летали высоко-высоко, и казалось, что касаются облаков. Иногда нитка обрывалась, и змей улетал.

Она рассказала это так, как будто верила в каждое слово.

– А потом? – спросил он.

– А потом все кончилось.

Она не сказала – почему, а он не спросил.

– Я тоже запускал змеев, – сказал он. – В детстве, с отцом.

Чень Си ждала продолжения, но он не добавил ни слова, просто прикрыл веки, отгораживаясь, делая вид, что слушает далекий шум улицы.

Она подумала, что характер господина Юй точно соответствует имени. Холодный и твердый, как нефрит. И что он цедит слова, как будто за каждое будет расплачиваться золотом по весу.

Палату снова накрыла тишина, и только их дыхание – два дыхания, постепенно переплелись, образуя один общий ритм.

Она приносила чай каждый день.

Не потому что хотела, а потому что такое желание выразил господин Юй, а желания пациентов *vip*-отделения персонал выполняет беспрекословно.

Чай не больничный, а свой – Бай Му Дань. Заваривала в маленьком исинском чайнике, который купила в старом квартале Монкок, там, где время остановилось лет пятьдесят назад и не собирается двигаться дальше. Чайник был грубым, с неровной глазурью, с трещиной на крышке, починенной серебром. Такие не выбрасывают – хранят, передавая по наследству тем, кто понимает цену вещам. Или покупают такие, как она, не имеющие корней и своей истории. Ей нравились вещи, несущие отпечаток времени, как будто она воровала чужое прошлое, восполняя недостаток своего. Кто-то выбросил чайник своей бабушки, а она – купила, как будто бабушка у нее на самом деле была, и вместе с чайником она купила все, что к этому прилагалось.

«Белый пион» давал светлый, почти прозрачный настой, пах сухими травами и полевым медом. Она выбрала его из запасов в чайной Линь Юэ из-за безопасности.

В нем не было резкости Жоу Гуя, ни тяжести Пуэра – только тихая, умиротворяющая глубина, спокойная, как и образ, который она тщательно создавала перед господином Юй.

Он любил смотреть, как она заваривает. Его внимание было приковано к ее рукам: к тому, как она отмеряет листья и промывает горячей водой, как уверенно переворачивает чайник, сливает первую заварку – «пробуждение листа». Как медленно разливает чай по крошечным пиалам, которые нагреваются в ее ладонях.

– Вы умеете, – сказал он без тени сомнений.

– Меня учили.

– Кто?

Она опустила взгляд на глиняную пиалу.

– Моя мать, – сказала она помолчав. – У нее маленькая чайная в пригороде.

Он не спросил, почему она не работает с ней; не спросил, почему выбрала профессию медсестры. Снова не спросил ничего.

Просто взял пиалу, отпил и закрыл глаза, изучая вкус.

– Хорошо, – сказал он.

Она смотрела на его руки – длинные сухие пальцы, казавшиеся очень сильными. На нефритовую печатку, на шрамы на тыльной стороне ладони – старые, белые, похожие на паутину.

«Его тело, как карта, – подумала она. – И у каждого шрама – своя история, и это всегда – боль, но он не расскажет. Не демонстрирует специально, но и не прячет, ему все равно на мнение других, и на мое – тоже. Но я должна видеть, сейчас это моя работа».

– Вы хотите спросить о чем-то, – сказал он, не открывая глаз.

– Нет.

– Вы смотрите.

– Я смотрю на чай.

Он открыл глаза и посмотрел на нее.

– Вы врете.

Она не ответила. Он не настаивал, просто отпил еще глоток, и снова закрыл глаза.

Это случилось через неделю. Она принесла ему чай, как делала каждое утро.

– Осторожно, горячий, – сказала Чень Си, протягивая пиалу.

На мгновение она задержала пальцы на гладкой поверхности чашки, и медленно, почти невесомо, специально качнула блюдце. Чашка накренилась, горячий чай плеснул через край.

Она не успела вдохнуть – он уже держал ее руку.

Поймал, перехватив пиалу снизу, накрыв ее пальцы своими, и не дал упасть.

– Держите крепче, – сказал он. Голос был ровным, но взгляд... взгляд опустился на их руки, туда, где ее пальцы лежали в его ладони.

Она смотрела на их руки – свои бледные, почти прозрачные пальцы, и его широкую, смуглую ладонь, накрывшую ее целиком. Тепло от чая обжигало ее сверху, проходило сквозь нее, смешиваясь с теплом его пальцев снизу.

В темной лужице на столе дрогнуло их отражение – два силуэта, слившиеся в один.

Она подняла взгляд. Он смотрел на ее губы.

Глубокие глаза – внимательные, похожие на лужу черных чернил. В них не было удивления или вопроса, было что-то другое. Очень осторожное и очень хрупкое.

Чень Си почувствовала, как кровь приливает к щекам. Тепло разливалось по лицу, шее, груди. Она не могла это контролировать и не могла спрятать. Она попыталась убрать руку – он не отпустил. Просто... не отпустил сразу. Держал секунду, две, три.

– Я... – начала она и замолчала.

Голос дрогнул. Совсем чуть-чуть, но он услышал.

– Тише, – сказал он мягко. – Не нужно ничего говорить.

Она покраснела еще сильнее. Прядь волос упала на лицо, но она не поправила ее – не могла, потому что ее руки были заняты. Чашкой. Им.

Его пальцы медленно, почти неохотно, разжались. Кожа там, где было его тепло, мгновенно остыла.

– Извините. Чай пролился, – сказала она, виновато глядя на лужу на столике.

– Не важно, – ответил он.

Она поставила пиалу – наконец-то поставила – и выпрямилась.

– Я принесу салфетки.

– Не нужно, – повторил он.

Она все равно пошла к двери, потому что не могла оставаться в одной палате с этим теплом, с этим взглядом, этим румянцем, который все еще полыхал на ее щеках.

– Чень Си, – окликнул он.

Она послушно остановилась, не оборачиваясь.

– Вы покраснели, – сказал он.

Это был не вопрос – утверждение.

Она не ответила и торопливо сбежала.

Второй раз она покраснела через несколько дней. Поправляла подушку у него за спиной – он выпрямился, и ее пальцы случайно погладили его по шее.

Он замер. Она тоже.

Кожа у него была горячей. Слишком горячей для человека, который всегда казался ледяным.

– Извините, господин Юй, – сказала она, поспешно убирая руку.

– Не нужно, – он перехватил ее запястье.

Не сильно, не больно. Просто держал.

– Вы всегда так осторожны? – спросил он.

– Что вы имеете в виду?

– Вы боитесь прикасаться ко мне.

– Я не боюсь.

– Вы дрожите.

Она опустила ресницы, не находя слов.

– Идите, – приказал он. – Уже поздно.

Она стояла, не двигаясь – он так и не отпустил руку.

– Господин Юй, – произнесла она спокойно и пошевелила запястьем в кольце чужих жестких пальцев.

Его хватка медленно ослабла. Она кивнула и вышла.

Когда Линь Юэ выяснила, что у господина Юй часто бессонница, график Чень Си снова перекроили – теперь она дежурила ночь через две: «Ты должна быть рядом, когда он не спит, это лучшее время для сближения». Чень Си подчинилась.

В первую из ее ночных смен пошел дождь. Не такой, как обычно – серый и мелкий, а настоящий ливень. Тяжелые капли молотили по крыше, порывистый ветер нагибал ветви деревьев в больничном парке почти до земли. Где-то вдали рокотал гром.

Ординаторская опустела к полуночи, Чень Си не спала. Сидела на подоконнике и смотрела, как вода стекает по стеклу, рисуя причудливые узоры. В каждом таком узоре ей мерещились лица, которых она не помнила.

В дверь постучали и она открыла. Он стоял на пороге – в темной рубашке, расстегнутой у ворота, небритый и сонный, но глаза – внимательные. Острые, как у зверя, который бдителен даже когда отдыхает.

– Господин Юй. Вы не спите, – сказала она.

– Не могу.

– Опять бессонница?

Его взгляд скользнул по пустому коридору, потом вернулся к ней.

– Дождь, – ответил он, наконец. – Я не сплю, когда идет дождь.

Она отступила в сторону – он вошел и сел на стул у стола. Чень Си вернулась на подоконник и устроилась на том же месте.

– Вы не боитесь, что кто-то увидит вас здесь? – уточнила она.

– Кто?

– Не знаю. Охрана, врачи, пациенты.

– Мне все равно.

Она рассматривала его. Темные глаза, в которых отражались огни ночного Хуайчэня – как ледяное черное зеркало, поверхность которого не содержит ни капли тепла. Впалые бледные щеки, сжатые губы, руки, спокойно лежащие на столе.

– Вы всегда не спите, когда идет дождь? – спросила она.

Он не ответил.

– В детстве я боялась дождя. Казалось, что он никогда не кончится, и что он смоем все.

– И что? – спросил он.

– Ничего. Я выросла. Оказалось, любой дождь рано или поздно заканчивается.

Он поднял на нее глаза.

– Не все смыл, – сказал он.

– Нет, – она покачала головой. – Не все.

Они долго сидели молча. Дождь барабанил по крыше, где-то вдалеке гремел гром. Время текло медленно, по капле.

– Чень Си, – позвал он тихо в темноте.

– Ммм? – отозвалась она немного сонно.

– Не исчезайте.

Не просьба, не требование – приказ.

– Я никуда не уйду, – ответила она мягко.

Они сидели почти до рассвета. Не касаясь, не говоря, просто – рядом. И это была самая странная ночь в памяти Чень Си, и самый странный человек. Она еще не встречала людей, с которыми так легко молчать в полной темноте.

Утром она проснулась на диване, укрытая больничным серым пледом. Ординаторская была совершенно пуста.

Следующую ночную смену ей поставили через два дня. Она опять не спала, смотрела в потолок, слушала, как дышит город. Где-то играла старая музыка – из тех, что крутили в ресторанах на Натан-роуд, когда Хуайчэнь был другим, и время текло быстрее.

На этот раз дверь открылась без стука. Он просто вошел – так, как будто имеет полное право быть здесь.

– Не спите, – сказал он и сел на стул напротив.

Чень Си приподнялась на жестком диване, и села, обхватив руками колени. Больничный плед сполз. В полумраке ординаторской – только маленькая лампа освещала столик, она пыталась рассмотреть выражение его лица.

– Вы тоже опять не спите?

Он промолчал, рассматривая свои руки на столе.

– Сегодня нет дождя, но вы все равно не спите.

– Думаю.

– О чем?

Он поднял глаза, встретил ее взгляд.

– О вас.

Она замерла.

– Что именно, господин Юй?

– Юй Хань, – поправил он ее. – Скажите это. Назовите меня по имени. Юй. Хань.

Она сидела на диване и молчала. И потом произнесла. Очень послушно и очень нежно.

– Юй Хань.

– Еще раз, – требовательно скомандовал он.

– Юй... Хань.

– Вы хотите знать, что я думаю о вас?

– Да.

– Я думаю, что с вами делать.

Она перестала дышать.

– Потому что я не могу перестать думать о вас.

Его взгляд в полумраке был таким осязаемым, что снова ощущался, как горячее дыхание на коже. На этот раз в черных глазах не было холода, там было что-то другое. Опасное. То, что может сжечь дотла.

– Вы боитесь меня? – спросил он.

– Нет.

– Зря. Вам стоит бояться.

Он подошел к ней, встал рядом. Так близко, что она чувствовала тепло его тела. Наклонился...

И в этот момент тренькнул и загорелся красный сигнал срочного вызова медсестры от шестой палаты. Она торопливо сбросила плед, быстро сунула ноги в тапочки, накинула на плечи белый халат с вешалки, и... сбежала, не говоря ни слова. Оставив за собой шлейф теплого жасминового аромата.

Линь Юэ позвонила ей утром на следующий день, отсчитала и вызвала к себе. Она поехала в пригород Хуайчэня в дом «матери». «Слишком долго», – сказала она. «Никакого прогресса. Заказчик недоволен. У нас осталось всего четыре месяца до тендера в Столице».

– Я должна достать что-то для этого тендера? – уточнила Чень Си самое важное.

– Меньше знать – безопаснее, – отрезала Линь Юэ. – Твоя единственная задача сейчас – завоевать его доверие и получить доступ в дом.

Чень Си скрыла выражение глаз, опустив ресницы. Инструментам не сообщают цели, их – используют.

– Нужно ускорить процесс. Я хочу увидеть хоть какие-то результаты через неделю! А пока – держи.

Линь Юэ положила на стол толстую тетрадь в кожаном переплете. Темно-синюю, почти черную, и четыре ручки разного цвета.

– Что это? – спросила Чень Си.

– Гарантия будущей безопасности, – сказала Линь Юэ. – Которую мы используем в нужное время. С этого момента ты будешь вести дневник влюбленной женщины.

Чень Си замерла.

– Я не...

– Ты должна стать ею. Не только на людях, но и в мыслях, в записях. Когда ты пишешь – ты не врешь. Именно так думают те, кто читает чужие дневники. Он прочитает, когда начнет сомневаться. А он начнет, когда поймет, что не контролирует ситуацию. Он будет искать и найдет это.

– А если не найдет?

– Найдет. Я позабочусь.

Линь Юэ села напротив.

– Ты начала вести дневник полгода назад. Сделай несколько записей. Опиши первую встречу с ним и остальные. Будешь писать каждую неделю. О нем, о своих «чувствах», о том, как он на тебя смотрит. О том, что ты боишься ему открыться, о том, что он тебе снится, о том, что ты хочешь быть с ним по-настоящему. О том, что постепенно влюбляешься в него.

– Это сложно, – сказала Чень Си осторожно. – Потому что я никогда не была влюблена.

– То, что чувствует влюбленная женщина описать просто – все одинаковое. Не знаешь – придумай. Посмотри несколько фильмов, возьми из книг. Но пиши так, чтобы он поверил.

Чень Си осталась одна. С тетрадкой и заданием, которое было труднее любого другого: «Писать о любви, которой нет. Чтобы он поверил, и чтобы поверила я».

Она открыла дневник ночью. И с первыми записями разобралась быстро, перечислив несколько ярких событий в больнице за полгода. Но уже час крутила ручку в пальцах, не зная, что написать «о нем». Точнее, что «о нем» написала бы в своем дневнике женщина, которой он действительно нравится.

«Сегодня меня перевели в vip-отделение больницы. В 4 палате я видела его. Мне сказали надо бояться всех vip, но похоже у него хороший характер. Он спокойный и тихий. Очень красивый. Его зовут господин Юй. Юй Хань. «Юй», как нефрит, и «Хань», как зимний холод. Господин-нефритовый-холод».

«Сегодня он сказал «садитесь». Не приказ, не просьба, что-то среднее. Я села, я должна была сесть. Но я села не потому, что должна, а потому, что хотела остаться с ним».

«Мне нравится заваривать ему чай».

«Сегодня ночью шел дождь, у меня была ночная смена, и он пришел в ординаторскую... мы сидели рядом до утра...и это была лучшая ночь в моей жизни».

Чень Си перечитала записи в дневнике, и утомленно помассировала пальцами переносицу. Это очень сложно. Это – ее гарант безопасности и доверия, но как писать так, чтобы ему понравилось то, что он прочел? Чтобы он поверил в чувства, которых нет.

Линь Юэ требовала результатов, но она сомневалась, что даже месяца будет достаточно, чтобы растопить этот «нефритовый холод».

«Результаты, результаты, результаты. Как она может выдать результат всего за неделю? Если даже с Сунь Лань они встречались два года, и потом еще два – после помолвки. А она – даже не мисс Сунь!»

Чень Си пошла в ванну и включила на полную холодный душ. Разделась, выдохнула и встала под обжигающе ледяную воду.

Глава 10. Исчезновение и проверка

Два дня. Она не приходила два дня. Сорок восемь часов, отмеренных движением секундной стрелки и стуком капель по карнизу.

Юй Хань ждал. Сначала – спокойно, с привычным терпением. Потом – с напряжением, которое прятал за страницами отчетов. Пальцы все чаще перебирали четки, он слишком часто стал смотреть на дверь, а в голосе, когда отдавал распоряжения, проскальзывало раздражение.

– Что-то не так, господин Юй? – уточнил помощник У, когда в очередной раз забрал отчет, который его заставили переделывать уже пятый раз за день.

– Где она? – спросил он, не поднимая глаз от бумаг.

– Кто, господин Юй?

– Чень Си. Вторая медсестра.

Помощник У посмотрел на медсестру в палате, та пожала плечами в ответ – временное место в вip-отделении ей нравилось, и она предпочла бы, чтобы эта Чень Си вообще не возвращалась.

– Заболела, господин Юй. Она взяла больничный позавчера.

– Что с ней?

– Неизвестно.

Он отложил ручку – чернила капнули на бумагу, расплывшись темным пятном. Он медленно смял грязный лист в комок и бросил в корзину под столом.

Чень Си лежала в своей квартире и смотрела в потолок, покрытый желтоватыми пятнами от постоянной сырости.

За окном – глухая стена соседнего дома с облезлой штукатуркой, и ей надоело смотреть в окно еще вчера. Спать она не могла – где-то внизу ругались торговцы, перебирая товар, и их голоса были пронзительными и резкими.

Температура поднялась до тридцати восьми. Голова раскалывалась, нос заложило, горло саднило при каждом вдохе. Ей нужно было меньше стоять под душем, и запомнить на будущее – ей хватило бы и пяти минут.

– Апч-хи... – она чихнула и высморкалась, бросив очередной грязный платок на пол.

Зазвонил телефон, Чень Си перекатилась по кровати до столика и сняла трубку.

– Да, – произнесла она гнусаво.

Линь Юэ говорила привычно ровно, без всякого сочувствия:

– Лежи, никуда не выходи. Чем дольше ты будешь недоступна – тем сильнее он захочет.

– А если это не работает? – голос Чень Си сел и охрип.

– Сработает. Такие, как он, не умеют отпустить. Даже мертвых.

Она не ошиблась в расчетах. Вечером на второй день в дверь позвонили. Чень Си открыла – бледная, закутанная в грубое шерстяное одеяло, с красным носом и слезящимися глазами. Она специально не причесалась и не умылась. Господин Юй слишком внимателен к мелочам, она должна не просто выглядеть больной, она должна болеть по-настоящему.

На пороге стоял знакомо-незнакомый мужчина. В черном костюме-тройке, с непроницаемым лицом – она видела его на фото в досье Юй Ханя. Помощник Тай, правая рука главы, который занимается “грязными” делами клана. Он держал зубочистку между зубами и осмотрел ее с макушки растрепанных волос до кончиков домашних тапок, как экспонат, который никогда не видел.

– Чень Си?

– Да.

– Вам. – Он сунул ей в руки плотный бумажный пакет, перевязанный бечевкой. – От господина Юй.

Она не спросила, откуда он знает ее адрес, и как узнал, что она больна. Не спросила, почему господин Юй вообще о ней заботится.

– Спасибо, господин, – ответила она очень вежливо.

Он не кивнул в ответ, только прищурился, развернулся и ушел.

Она закрыла дверь, когда шаги стихли на лестнице, и обессилено прислонилась к стене. У нее было ощущение, что ее раздели и взвесили. Помощник У, которого она видела в больнице, не производил такого впечатления.

Чень Си высыпала содержимое пакета на стол. Жаропонижающие в запечатанных банках, антибиотики последней партии, витамины. Все – с логотипом аптек семьи Бай, лучшее, что можно найти в Хуайчене.

«Он все-таки беспокоился».

Она всегда пыталась представить, как это, когда кто-то беспокоится о тебе, когда ты болеешь. Оказалось это... не плохо. Да, господин Юй беспокоился только потому, что она – “похожа”, но даже такая ворованная забота была приятной.

Она приняла таблетки, запив холодной водой из кувшина, и легла обратно. И на этот раз уснула очень быстро спокойным безмятежным сном.

Когда она вернулась в больницу через три дня, на ее месте уже была другая.

Молодая, красивая, с идеальной укладкой, накрашенными губами и отточенными движениями. Медсестра, присланная на замену. Она стояла у кровати Юй Ханя, поправляла подушку, улыбалась. У нее была та улыбка, которую женщины дарят мужчинам, когда очень сильно хотят что-то получить от них.

Чень Си замерла в дверях, как будто увидев себя со стороны. От понимания того, что ее легко можно заменить, что она не единственная, ее место и роль могут достаться любой, кто будет достаточно похож на Сунь Лань.

– Вы? – спросил господин Юй, и его голос звучал тише обычного, почти устало.

– Я, – ответила она, переступая порог. – Выздоровела.

Он смотрел на нее внимательно, не спрашивая, где была и что случилось. Взгляд скользнул по ее лицу, задержался на волосах, потом опустил на руки, и наконец он произнес:

– Не болейте больше.

Только это.

И она не знала, был ли это приказ или просьба. Или констатация факта, который ему не понравился, потому что он не мог это контролировать.

В тот же вечер Линь Юэ прислала короткое сообщение на телефон: «Его люди в приюте и проверяют тебя. Документы, биографию, семью. Все чисто, но все равно, будь осторожна».

Через неделю он пришел к ней сам, в очередную ночную смену. Дверь в ординаторскую открылась без стука. Он вошел, молча сел напротив и долго смотрел – в его взгляде не было ничего, ни тепла, ни угрозы, только расчет. Как будто он взвешивал что-то и наконец-то решил.

– Я проверял вас, – сказал он прямо.

– О, – она отложила ручку.

– Вы не удивлены?

– Я медсестра vip-отделения. Здесь такое иногда происходит – безопасность прежде всего.

Его взгляд не смягчился. Он ждал.

– Вы не спрашиваете, что я узнал?
– А что вы узнали, господин Юй?
– Что вы сирота. Вам девятнадцать, вы выросли в приюте и учились на медсестру. Что помогаете детям и старикам в городском пансионе.
– Все верно – кивнула она. Голос остался ровный, пульс – нет.
– Все чисто, – сказал он медленно. – У вас безупречная репутация.
– Это плохо?
– Безупречны только святые. И мертвые.
Она смотрела на него прямо, совершенно спокойно, не отводя взгляд.
– Я не выбирала свое прошлое, господин Юй. Я просто живу. И у меня очень простая жизнь.

Он молчал. Долго. А потом просто вышел, ничего не говоря. Чень Си достала платок и вытерла влажные от пота пальцы, а потом налила чашку холодного чая и выпила залпом за три глотка.

А на следующий день рано утром охранник принес в ординаторскую длинную узкую коробку, перевязанную шелковой лентой цвета слоновой кости.

– Это вам, – сказал он, пристроив коробку на край стола.
– От кого?
– От господина Юй.

Она развязала ленту – внутри лежали белые хризантемы. Свежие, крупные, на лепестках кое-где еще блестели капли воды.

В Хуайчене белые хризантемы дарят тем, кого не могут забыть. Тем, кто остается в сердце, даже когда уходит. Цветы памяти и, одновременно, цветы тоски.

Она смотрела на них, не прикасаясь, и не понимала, так он говорит, что помнит – о ней? Или помнит ту... другую. Он подарил их Чень Си или тени Сунь Лань?

Она нашла высокую стеклянную вазу, налила воду и поставила цветы. Они пахли горько и свежо – как поздняя осень в горах, когда первый иней покрывает землю, а небо становится таким прозрачным, что кажется до него можно дотянуться рукой.

Вечером, сидя под светом настольной лампы, она открыла дневник и тщательно написала об этом. О том, как дрогнуло ее сердце от первого подарка от «него», о том, как она рада.

И положила несколько белых лепестков между страницами. Хрупких, как и любые обещания, которые дают мужчины.

Разве девять лет назад господин Юй не дарил такие же цветы Сунь Лань?
И не обещал... любить ее вечно?

Глава 11. Старый знакомый

Чень Си узнала о переводе Чжан Вэя в понедельник утром.

Список новых сотрудников висел в ординаторской на доске новостей. Она просматривала его машинально, пока взгляд не споткнулся на знакомом имени, которого никак не могло быть в Хуайчене.

Чжан Вэй. Отделение лабораторной диагностики.

Она отошла к окну и достала из кармана халата телефон. Линь Юэ ответила после второго гудка.

– Да.

– Чжан Вэй, – сказала Чень Си без приветствия. – Он перевелся в Хуайчень. Сегодня я увидела его в списках.

– Я уже знаю.

– Почему не предупредили?

В трубке что-то щелкнуло, и когда помехи прошли, она услышала только конец фразы:

– ...это было не нужно.

– Не нужно? – Чень Си понизила голос, хотя рядом никого не было. – Линнань...

– В Линнани все чисто, – холодно оборвала Линь Юэ. – Задание выполнено, следов нет.

Не дергайся.

– В Хуайчене девять больниц, он же мог выбрать любую, но выбрал именно эту.

– Перевод он получил через рекомендации и квоты, – голос «матери» стал жестче. –

Никакой связи с Линнанем, это просто вопрос карьеры.

Чень Си прижала телефон к уху, слушая собственное прерывистое дыхание.

– Чжан Вэй сейчас не твоя задача, – отрезала Линь Юэ. – Продолжай работать с объектом.

Все.

– Поняла, – ответила Чень Си, помолчав.

В трубке раздались гудки.

Чень Си убрала телефон в карман халата и долго стояла у окна, глядя на серые тучи за стеклом. Вороны сидели на ветках кипарисов и молча следили за ней, она – изучала их в ответ.

«Зачем он приехал?» – подумала она. «Действительно совпадение?». Она не знала, но прекрасно помнила каждый день, проведенный в Линнани.

Потому что там она была почти свободна от контроля Линь Юэ, и почти счастлива.

Там она почти позволила себе забыть, что она – инструмент.

Линнань

Восемь месяцев назад

Изначально, задания в Линнани вообще не должно было быть, просто репетиция перед основной задачей.

Линь Юэ отправила ее на полугодовую практику в городскую больницу – настоящую, с документами, сменами и дежурствами. Хуайчень территория клана Юй, и Линь Юэ не хотела рисковать. Поэтому Чень Си набиралась опыта и оттачивала навыки, в Линнани ее никто не знал. Там можно было доработать легенду до блеска, чтобы вернуться в Хуайчень уже готовой медсестрой.

Простые поручения за эти три года Линь Юэ давала и раньше: съездить и передать, забрать, запомнить и проследить. Ничего опасного и ничего личного. Чень Си послушно выполняла все, что приказано – быстро и чисто, учась не оставлять следов.

Она училась не только медицине. Училась не задавать вопросов, училась тому, что ее жизнь больше не ее.

И Линнань просто стал очередным витком спирали.

Она приехала в начале лета.

Город встретил ее жарой, влажным воздухом и соленым запахом моря – теплым, так непохожим на сырой холод Хуайчэня. Она сняла комнату в старом квартале, у женщины, которая почти не выходила из кухни и постоянно пыталась ее откормить.

В больнице числилась обычной практиканткой и никто не задавал лишних вопросов.

Поручение ей дали через месяц.

«Объект – Чжан Вэй, отдел лабораторной диагностики, – сказала Линь Юэ по телефону. – Познакомься с ним, войди в доверие. У него есть доступ к данным, нам нужно изменить результаты одного из тестов ДНК. Какие правки внести в отчет, я тебе прислала».

– Поняла, – ответила Чень Си. – Сколько у меня времени?

– Три дня. Но главное сделать чисто.

Чень Си справилась за два.

Ключ-карта лежала в кармане его халата – он оставил его на стуле, когда вышел на экстренный вызов. Ей хватило восьми минут – она вошла, заменила данные, вышла. Никто и не заметил.

Линь Юэ сказала: «Хорошо. Теперь работай дальше и просто забудь об этом».

И Чень Си забыла. Это было просто одно из многих мелких заданий, которые она выполняла за эти годы. Просто работа.

Но общаться с Чжан Вэем продолжила, по-настоящему.

Они работали в одной смене. Он помогал, подсказывал, задавал вопросы. Она отвечала коротко, но без грубости – ровно настолько, чтобы не выглядеть слишком отстраненной и поддерживать «образ».

О том, что он влюбляется в нее, она знала. Читала это по тому, как искал ее взглядом в коридоре, по тому, как приносил кофе – даже когда она не просила. Ставил на стол тихо, чтобы не спугнуть, и долго сидел рядом.

Иногда он казался слишком хорошим, и тогда Чень Си чувствовала немного вины. Из-за того, что она не умеет любить, и никогда не сможет ему ответить. Ее никто никогда не любил, ей было не у кого этому научиться. И потому что она не принадлежит себе, ее жизнь по контракту и ее чувства переданы тем, у кого хранится кусок бумаги с красным отпечатком ее пальца.

Они ходили в приюты, дети тянулись к нему – общительному и веселому. Она помогала – играть и читала вслух. Линь Юэ не запрещала, потому что благотворительность тоже работала на нужный образ, это было полезно и безопасно.

Человек, у которого нет социальных контактов тоже вызывает вопросы.

У них с Чжан Вэем оказалось много общего, помимо медицины, он тоже был приемным. Однажды на крыше приюта он сказал:

– Я знаю, каково это – быть не ничьим.

Она опустила глаза на свои руки, сцепила пальцы – рассказать что-то о том, как было у нее она не могла, но он и не ждал ответа. Потом начал говорить что-то еще – объяснять, уточнять, боялся, что она не поняла.

Чень Си слушала и вдруг подумала: он так много постоянно говорит, потому что боится тишины, боится остаться наедине с собой.

Линь Юэ следила издалека, и только раз предупредила, о том, что господин Юй не потерпит и песчинку, и что девушка, которой он позволит приблизиться к себе, должна быть абсолютно чиста.

Чень Си держала дистанцию и не переходила грань, но иногда, заваривая для Чжан Вэй чай в ординаторской, или глядя на то, как он засыпает на столе, в ночные смены, забывала. Кто она и зачем ее отправили в этот город.

Полгода он был рядом. Она терпеливо отгораживалась стеной, которую он никак не мог пробить. Пробовал, приглашал на ужин, предлагал выйти на лодке в море на выходные, показать старый город с его колониальными арками.

Чень Си всегда отказывалась, вежливо и твердо. Но иногда, когда он не видел, она смотрела на него и думала: «В другой жизни, может быть, у нас что-то получилось бы?».

В этой версии ее жизни никаких «нас» не было и не могло быть.

Перед отъездом он пригласил ее на ужин в последний раз. В тихий ресторан на набережной с романтической атмосферой. За соседними столиками кругом сидели пары, из окон открывался вид на бескрайнее море, вдалеке кричали чайки, соленый ветер пах свободой.

Она заранее знала, что он скажет, и с одной стороны не хотела этого слышать, но с другой – очень хотела, потому что ей еще никогда и никто такого не говорил.

– Чэнь Си, я хочу тебе сказать...

Она подняла глаза, ветер трепал волосы, выбившиеся из косы.

– Ты мне нравишься. Я хочу быть с тобой. – Он покраснел и опустил глаза, крепко сжав чашку с чаем.

Она посмотрела на эту чашку, потом на него ровным, спокойным взглядом.

– Я не ищу отношений, Чжан Вэй.

– Я подожду.

– Не нужно. И не умею я этого – любить. Ты очень хороший, а я – нет.

Она сказала это холодно, как нужно было, но внутри что-то кольнуло. Сожаление, что он встретился не в другой жизни.

Чжан Вэй кивнул, не спорил, глаза остались такими же понимающими и теплыми. Он посмотрел на нее так, как будто уже давно все решил.

Она уехала на следующий день.

Думала, что они попрощались навсегда. Думала, что он останется в Линнани, со своим морем, своей работой, своей нормальной жизнью, а она вернется в Хуайчень – в клетку, к своим заданиям и правилам.

Но она никогда не думала, что он последует за ней. Потому что она вообще запретила себе думать об этом.

Хуайчень

Чень Си встретила его на следующий день в больничном парке. Он стоял у входа, сунув руки в карманы белого халата. В светлых брюках и тонком свитере, с растрепанной небрежной прической, как будто только недавно встал с кровати. Увидел ее и улыбнулся – той же теплой улыбкой, которую она помнила по Линнанию.

– Чень Си, – позвал он тихо, и по глазам было видно, что он едва сдерживает радость. – Привет. Я же говорил, что мы еще встретимся.

– Чжан Вэй.

Он протянул ей бумажный стаканчик.

– Кофе. И ты не можешь отказать – я бежал от самой кофейни, чтобы не остыл. Черный, без сахара, как ты любишь.

– Ты еще помнишь.

– Я помню все о тебе. Ты стала еще красивее...

Они неторопливо прошли по парку, сели на скамейку, с которой открывался вид на окна vip-крыла. Он рассказывал про Линнань, про то, как решил перевестись, про нового заведующего.

Чжан Вэй как всегда много говорил, жестикулировал и заразительно смеялся. И Чень Си на секунду забыла, где она, кто она, и расслабленно искренне улыбнулась в ответ.

В этот момент вороны испуганно вспорхнули с ветвей и закаркали.

По аллее парка мимо них прошел Юй Хань. В наглухо застегнутом черном пальто, в сопровождении троих охранников. Он не смотрел по сторонам и не поздоровался.

Чжан Вэй замолчал на полуслове. Чень Си перестала улыбаться и быстро допила кофе в несколько глотков.

– Кто это? – тихо спросил Чжан Вэй, наклонившись к ней.

– Пациент. Из vip-крыла, – Чень Си незаметно отодвинулась, сохраняя дистанцию.

– Выглядит так, как будто весь мир ему должен.

Чень Си бросила взгляд на плотно зашторенные окна второго этажа vip-отделения. Она помнила распорядок дня Юй Ханя наизусть – он раньше никогда не выходил в это время.

– Я знаю, что не должен был приезжать, – тихо сказал Чжан Вэй. – Но я так скучал, Си-Си.

Чень Си обернулась.

– Я тебе никогда ничего не обещала.

– Ты не обещала, я сам решил.

– Чжан Вэй, это бессмысленно. И ты ничего не знаешь обо мне.

– Того, что я знаю, достаточно.

– Чжан Вэй... – Чень Си сжала пустой стаканчик из-под кофе.

– Я ничего не прошу. И не жду, что ты ответишь. Просто... можно я буду рядом? Как в Линнане?

Он смотрел на нее так, как смотрят щенки, когда хотят, чтобы их взяли с улицы. Два пункта мольбы, три пункта настойчивости, и немного горячности, которая почти обжигала после постоянного холода господина Юй.

Чень Си оглянулась на спины охранников, сворачивающих за поворот, и вспомнила лицо непроницаемое и холодное лицо Юй Ханя.

Он заметил ее, он замечает все. Если она будет постоянно одна – это тоже привлечет внимание, девушка, которая никому не интересна, вызывает столько же вопросов, как девушка, которая интересна абсолютно всем.

– Хорошо, – ответила она тихо после длинной паузы, взвесив все. – Только не жди ничего, можем общаться, как в Линнане.

Глаза Чжан Вэя вспыхнули, и он несколько раз быстро кивнул, и улыбнулся – с облегчением, почти с надеждой.

Она не ответила на улыбку, только сухо кивнула, отводя взгляд.

Утром на следующий день Юй Хань стоял у окна своей палаты, заложив руки за спину, и смотрел на раскинувшийся внизу парк.

Смена еще не началась. Девушка в больничном халате медсестры вышла из главного входа, пересекла дорожку и остановилась у скамейки. Рядом с ней был молодой мужчина в белом халате врача, тот же, что и вчера.

Он протянул ей стаканчик с кофе. Она взяла, снова.

Они говорили несколько минут, она не села. Стояла, слегка наклонив голову – так, как всегда слушала, когда не хотела пропустить детали. Так же, как она слушала его.

Мужчина улыбался ей, она не улыбалась в ответ, но и не уходила.

Юй Хань медленно перебирал четки, изучая пару.

– Господин Юй, – помощник У вошел без стука. – Анализы готовы...

– Кто это? – перебил он, не оборачиваясь. Голос прозвучал ниже обычного.

Помощник подошел к окну, присмотрелся, оглянулся на господина и очень осторожно ответил:

– Госпожа Чень.

– Рядом с ней.

– Не знаю, но могу выяснить.

Юй Хань молчал.

Внизу мужчина поднялся со скамейки. Сказал что-то на прощание – она кивнула и ушла первой. Он постоял, глядя ей вслед, опустил протянутую руку, потом повернулся и пошел к другому входу в больницу.

– Проверь все, – сказал Юй Хань наконец. – Кто он, откуда, контакты.

– Да, господин Юй.

Помощник У вышел, тихо затворив за собой дверь.

Юй Хань отвернулся от окна и сел в кресло. Он взял папку с документами, раскрыл, но так и не читал, глядя в одну точку.

Через минуту отложил бумаги и снова подошел к окну.

Скамейка была пуста.

Глава 12. Ревность

Сообщение от «матери» пришло вечером, когда Чень Си сидела на подоконнике своей квартиры и смотрела, как фонари зажигаются один за другим – желтые, дрожащие, похожие на глаза хищных зверей, которые проснутся, как только на Хуайчен опустится ночь.

Линь Юэ не тратила слов на приветствия: «Ты не справляешься, он не подпускает тебя достаточно близко. Слишком медленно, мы не можем ждать так долго».

Чень Си не моргая смотрела на сообщение, она хотела написать «я делаю все, что могу», но не успела – телефон в ее руках завибрировал и зазвонил.

Она вздрогнула и неохотно нажала «принять вызов».

Голос Линь Юэ был спокойным, слишком спокойным. Такой голос бывает у людей, которые уже все решили и не собираются обсуждать.

– Ревность – это рычаг, Чень Си. Когда человек видит, что его собственность хотят украсть, он перестает быть наблюдателем и становится охотником. И тогда он делает то, на что не решался раньше.

Чень Си помолчала. Она могла бы сказать, что даже спустя пару недель начала понимать характер господина Юй лучше, чем за пару лет подготовки, и что он не из тех, кто вообще учитывает эмоции при принятии решений. Это слишком по-детски. Но не сказала – этот тон голоса наставницы она уже знала – сейчас ей поставят задачу и никто не будет ничего с ней обсуждать.

– Ревность – это способ ускорить события, и у нас есть подходящий кандидат под рукой. . .

– Вы хотите, чтобы я использовала Чжан Вэя, – безэмоционально констатировала Чень Си.

– Я хочу, чтобы ты сделала свою работу. – Голос Линь Юэ стал тверже. – И сделала ее хорошо.

Чень Си молчала. За окном фонарь мигнул и погас, потом задрожал и зажегся снова.

– Чжан Вэй – уже здесь, он – подойдет. Пусть Юй Хань увидит, что он не единственный, кто в тебе заинтересован. Он должен бояться потерять тебя, и только тогда он начнет действовать.

– А если Чжан Вэй пострадает? – спросила Чень Си. В трубке телефона минуту была тишина.

– Ты жалеешь его? – голос Линь Юэ стал холоднее и строже. – Ты не имеешь права жалеть, и тем более обсуждать задачи. Сходи с ним куда-нибудь пару раз. Если он пригласит – ты согласишься, если не пригласит. . . сделаешь все, чтобы пригласил в ближайшие дни, – отдала она приказ.

Связь прервалась. Чень Си минуту слушала длинные гудки в трубке и потом убрала телефон.

Посмотрела на свои руки – они не дрожали, не позволять им дрожать она уже научилась.

«У меня есть задача, которую я должна выполнить, чтобы выжить. Я просто выполняю свою задачу». Она повторила это про себя несколько раз, как мантру, но ощущение сдавленности внутри не проходило. Больше всего ей хотелось швырнуть телефон в стену или что-то разбить.

Она тихо и аккуратно пристроила телефон на столик и открыла шкаф, рассматривая ряды платьев. Перебирала пальцами, пока не добралась до желтого ципао, оттенка нежных весенних нарциссов. Вытащила и повесила на вешалку.

Она помнила – больше всего Чжан Вэю нравилось именно желтое.

На следующий день в больнице Чжан Вэй подошел к ее столу сам, ей даже не пришлось ничего делать, и придумывать, как найти его в соседнем корпусе.

В руках он держал два билета, сделанных явно детскими руками, с кривыми рисунками и крупной надписью: «Благотворительный концерт».

Она отложила бумаги и развернулась – глаза Чжан Вэя вспыхнули неприкрытым восхищением. Она не зря потратила время – все от платья до прически – французской косы с желтой лентой, было подобрано так, как любил Чжан Вэй.

Он положил перед ней билеты, аккуратно и бережно, как кладут что-то очень дорогое.
– Чень Си, – позвал он. – В приюте завтра концерт. Не хочешь пойти со мной?

Она подняла глаза. Его лицо было открытым, улыбка светлой и мягкой, ни тени фальши.

Сзади в ординаторской столпились медсестры, тщательно делая вид, что очень заняты, но их глаза то и дело с неприкрытым любопытством изучали фигуру Чжан Вэя.

– Тебе нравилось это в Линнани, и ты – такая же, как я, – он осторожно присел рядом. – Ты любишь детей, мы оба приемные, оба стали врачами, и мы оба помогаем тем, кто остался один.

Она смотрела на него.

– Это хорошее дело, – убеждал он с улыбкой. – Детям нужна помощь, мне нужна компания.

Сзади ей маячили возбужденные медсестры – «соглашайся, соглашайся».

«Ты нужна мне, даже если тебе не нужен я», – перевела для себя Чень Си. «Он не знает, что мой приют был «особенным», и что вся моя любовь к детям – это просто тщательно выстроенный образ».

– Хорошо, – сказала она и, сделав над собой небольшое усилие, и улыбнулась так, как учили. Тепло и ярко, как будто внезапно взошло солнце. – Поедем.

Он замер, на мгновение ошеломленный, что она согласилась так быстро, а потом сияюще улыбнулся в ответ, полностью счастливый.

Линь Юэ была права: Чжан Вэй – идеальный кандидат потому что в нем нет ни грамма фальши, все – настоящее.

Приют стоял на южной окраине города, там, где старые дома тесно жались друг к другу. Двор был маленьким, асфальтированным, с одним-единственным деревом – старым баньяном, чьи корни давно разломали плитку.

Дети сидели на деревянных стульях. В первом ряду – маленькая девочка в желтом платье, она сжимала в руках бумажного журавлика и не отпускала его даже когда хлопала. Журавлик был кривым, асимметричным, но она держала его так, будто от этого зависела ее жизнь.

Чжан Вэй сидел рядом. Не касался, но так много говорил, не переставая, что его присутствие заполняло пространство. Чень Си скучала по возможности молчать, и только, когда ее взгляд падал на счастливых детей – немного смягчалась.

– Ты улыбаешься, – поддразнил он.

– Нет.

– Да. Впервые по-настоящему, когда смотришь на детей.

«Потому что здесь никто не сравнивает меня ни с кем, не дает заданий, потому что здесь я просто Чень Си, а вовсе не потому что мне нравятся дети».

Она не ответила, потому что ответ ему был не нужен, он уже заранее решил, что знает о ней все.

После концерта они раздавали сладости. Чжан Вэй уже помнил всех детей по именам, кто-то обнимал его за ноги, кто-то тянул за рукав, точно, как в Линнани.

– Дядя Чжан, а это ваша невеста? – спросил мальчик лет шести.

Чжан Вэй смутился – щеки вспыхнули.

– Нет, это... друг, – пробормотал он.

Чень Си мягко улыбнулась, не подтверждая и не опровергая.

Увидев ее улыбку, Чжан Вэй посмотрел на нее так, как будто она сделала что-то важное, как будто она подарила ему то, о чем он не смел просить.

После приюта он пригласил ее на ужин. В маленький семейный ресторан в старом квартале, с низкими потолками и крошечными столиками на двоих, весь пропахший запахом лапши и жареных пельменей.

Они заказали овощной суп и рисовую лапшу, он рассказывал новости о Линнине, о море, о том, как впервые сделал операцию и у него дрожали руки.

– Я боялся, что убью пациента, – смеялся он. – А оказалось, что бояться – это нормально, страх – это уважение к жизни.

Она слушала. Кивала, когда надо, улыбалась, когда надо. Лениво рассматривала картины на стенах и работы с каллиграфией, и тайком смотрела на время.

– Чень Си, – он осторожно взял ее за руку. – Можно спросить?

– Да.

– У тебя здесь... в Хуайчене... кто-то есть?

Она не убрала руку. Ее пальцы лежали в его ладони – теплой, мягкой и безопасной. Совсем не такой, как руки Юй Ханя – сухие, сильные, покрытые шрамами, с длинными пальцами, которые обхватывают запястье, как наручники.

– Нет, – сказала она.

– Тогда, может быть...

– Чжан Вэй, – перебила она. – Не надо.

Он неловко замолчал. Она аккуратно убрала руку.

Она позволила Чжан Вэю проводить ее до дверей дома, где снимала квартиру. Они встали у подъезда, под тем самым желтым фонарем, который иногда мигал, потрескивая. Лицо Чжан Вэя то вспыхивало, озаренное светом, то скрывалось в тени.

– Спасибо за вечер, – попрощалась она устало.

– Чень Си...

Он шагнул ближе и она чувствовала его прерывистое дыхание – теплое, с запахом зеленого чая, который они пили только что, его рука осторожно легла ей на плечо, пальцы чуть дрожали.

Она не отстранилась, он наклонился, но в последний момент она легко повернула голову, его губы коснулись ее щеки.

– Извини, – прошептал он, опустив глаза вниз. – Я не должен был.

– Ничего.

Она открыла дверь подъезда, собираясь зайти внутрь.

– Чень Си, подожди, – остановил ее он. – Ты заметила... черная машина у того дома, – он кивнул в сторону проспекта. – Там кто-то сидел и все время, пока мы были здесь. А до этого похожая машина стояла у ресторана.

Она посмотрела на улицу, оглянувшись через плечо – темнота, разбавленная редким светом фонарей, ни машин, ни людей в их тихом квартале.

– Тебе показалось.

– Нет, я почти уверен...

– Это – Хуайчен, а не Линнань, – перебила она спокойно. Такие машины у трети города, здесь их любят. Доброй ночи.

Она вошла в подъезд и, медленно поднимаясь по обшарпанной лестнице, думала: «Люди Юй Ханя? Если ты не говоришь и не подходишь, просто молча смотришь со стороны... что же такого я должна сделать, господин Юй, чтобы ты, наконец, перестал молчать?»

На следующее утро Чжан Вэй снова стоял у ее стола. Снова – билеты, на этот раз – на выставку современной живописи.

– Мне кажется, ты любишь искусство... – рядом на столе перед ней Чжан Вэй поставил стаканчик с кофе. Чень Си вдохнула аромат кофейных зерен.

– Я...

– Ты вчера смотрела на картины в ресторане больше, чем на меня, а это о многом говорит, – рассмеялся он.

Линь Юэ сказала ей «сходить пару раз»... Чень Си взяла билеты, отпила глоток кофе, и медленно, благосклонно кивнула.

Юй Хань сидел в своей палате, изучая документы на столе.

Помощник У молча стоял рядом.

– Что вы узнали?

– Молодого господина зовут Чжан Вэй, он из линнаньской ветви семьи Вэй. Третий сын, приемный. Врач. Перевелся из Линнаня месяц назад. Не женат, детей нет, чист. Связей с кланами не имеет, связей со Столицей не нашли. – Помощник У помолчал, и потом все же добавил. – Пользуется успехом у женщин.

Юй Хань молча перебирал четки, бусины на мгновение замерли:

– Дальше.

– Госпожа Чень восемь месяцев назад проходила в Центральной больнице Линнаня полугодовую практику, там они и познакомились, до этого знакомы не были.

Помощник выложил на стол еще одну папку, в которой была только одна страница.

– Вчера они были в местном детском приюте «Надежда», там был благотворительный концерт. Потом – ресторан «Старый квартал». Заказывали овощной суп, рисовую лапшу, жасминовый чай. Разговаривали о работе, о детях, о Линнане. Он рассказывал о своем детстве в приюте, госпожа Чень внимательно слушала. Ей понравились картины и каллиграфия в ресторане.

– Что-то еще? – Голос Юй Ханя звучал холодно и спокойно.

Помощник У помолчал, и нервно поправил галстук.

– Молодой господин Вэй... пытался поцеловать госпожу Чень, она уклонилась.

Пальцы на четках остановились.

– Что-то еще? – повторил он вопрос после долгого молчания.

– Сегодня утром Чжан Вэй пригласил госпожу Чень на выставку, она согласилась. На этом все, господин.

Юй Хань взял отчет. Прочитал медленно, внимательно. Как будто надеялся найти ответы, которых там не было. Потом, не меняясь в лице, аккуратно разорвал бумагу пополам, потом еще раз и еще. И выбросил клочки в мусорку рядом.

– Выйдите, – приказал он.

Помощник поклонился и вышел, бесшумно закрыв за собой дверь палаты. Юй Хань остался один. Он перебирал четки – медленно, бусину за бусиной, и долго смотрел на обрывки белой бумаги под столом.

Сразу после обеда он пришел в ординаторскую.

Чень Си заполняла бумаги. Увидела его – замерла на секунду, а потом спокойно подняла голову. В ее глазах – ни страха, ни радости, только послушное ожидание.

– Господин Юй?

– Врач разрешает мне гулять по парку, – сказал он. – Я так быстрее восстанавливаюсь.

Вы обязаны сопровождать меня как медсестра.

Это прозвучало, как требование, а не просьба.

Она закрыла папку, щелчок замка прозвучал громко в тишине.

– Хорошо, господин Юй.

По парку они шли молча, не касаясь. Он – чуть впереди, она – чуть сзади. Охрана на расстоянии десяти шагов.

Не говорили. Юй Хань неторопливо перебирал четки в правой руке.

Чень Си считала шаги, рассматривала деревья и изредка поправляла волосы – налетавший ветер трепал прическу. Он не смотрел на нее, но она ощущала его пристальное внимание. С ним, в отличие от Чжан Вэя, было очень хорошо молчать.

Плитка дорожек парка была влажной от дождя. Ветви старых баньянов наклонялись до земли, в сером небе тревожно кружили птицы.

– Вчера вы ходили в приют, – сказал он, когда они пересекли парк почти до конца, и это не прозвучало, как вопрос.

– Да.

– С новым молодым врачом.

– Да.

– Зачем?

– Был концерт, детям нужна помощь.

– Им нужна помощь. Или вам нужен он?

Она резко остановилась и бросила на него короткий взгляд – он не смотрел на нее, смотрел вперед.

– Господин Юй, я не понимаю, о чем вы.

Он повернулся. Черные глаза привычно холодные, в них не было ни капли тепла или эмоций, но ее сердце внезапно забилось так быстро, что она испугалась, сама не понимая почему.

– Я тоже, – сказал он, наконец, глухо. – Не понимаю, – и пошел дальше.

Она постояла на месте и потом шагнула следом за ним, молча.

Чень Си вернулась домой поздно.

Выставка оказалась не такой скучной, как она думала – работы старых мастеров по туши и шелку. Ее учили понимать основы, как Сунь Лань. Все было хорошо, кроме одного – Чжан Вэй опять слишком много говорил.

Рассказывал, объяснял, смотрел на нее так, как будто она была единственным произведением искусства в зале, но она была рассеяна и почти не слушала. Она думала о том, смотрел ли Юй Хань из окна второго этажа, когда она уходила из больницы.

Она приняла душ, волосы еще были мокрыми, когда в дверь позвонили. Отрывисто и коротко, один раз.

Она открыла – за дверью никого, но на пороге – коробка. Длинная, перевязанная шелковой лентой, а сверху букет белых хризантем.

Она занесла подарок в дом и открыла. Внутри духи «Весенний жасмин», те самые, которые нравились Сунь Лань, и шаль – шелковая, цвета слоновой кости, с длинными кистями. Легкая, почти прозрачная, очень нежная. И очень... непрактичная.

В коробке не было ни записки, ни карточки, но спрашивать от кого было не нужно. Чень Си поднесла флакон к носу, вдохнула и потом пшикнула на запястье.

Запах ударил в голову – сладкий и чужой. Для нее он не пах жасмином, он пах Сунь Лань. Запах мертвых, он пах тем, кем она не была и не хотела быть.

Ее желудок сжался от отвращения, она закрыла флакон и затолкала коробку подальше в шкаф, но запах остался.

Она распахнула окно, чтобы проветрить. Холодный ночной воздух ворвался в комнату, запахло дождем и сыростью, но удушающе-приторный запах духов, казалось, въелся в шторы, и заполонил все вокруг.

Чень Си включила воду и долго мыла руки с мылом, терла жесткой щеткой, пока не запястья не стали багровыми. Пахло мылом и чистотой, но запах не уходил. Она смотрела на мокрые пальцы и чувствовала пустоту. Подарок подтверждал, что он начал видеть в ней Сунь Лань, что она движется в правильном направлении. Она должна радоваться, но радости внутри не было.

Никто в мире не сделает подарок Чень Си, но Сунь Лань, даже мертвая – имеет все и немного больше. Даже господин Юй тоже принадлежит Сунь Лань, и чтобы забрать часть его внимания, ей нужно соперничать с мертвой.

Господин Юй покупал подарками не живую женщину, он оплачивал аренду призрака.

Настроение Чень Си резко испортилось. Она взобралась на подоконник, взяла дневник и открыла чистую страницу. А потом поставила дату сверху и мстительно написала:

«Сегодня я была в приюте с Чжан Вэем. Был концерт. Он рассказывал мне о своем детстве. Я слушала и думала: как же мы похожи! Он стал врачом, потому что хотел помогать людям, я стала медсестрой... мы провели вместе вечер и мне очень, очень понравилось!».

Глава 13. Мир на двоих

После того дня заведующий вызвал ее к себе и сухо сообщил, что нагрузка перераспределена: отныне она заботится об одном единственном пациенте в четвертой палате, и все, что от нее требуется – следить, чтобы господин из vip-крыла остался доволен больницей.

С этого дня ее единственная забота – это господин Юй.

Они начали гулять по парку – не каждый день и не подолгу, но регулярно.

Юй Хань приходил в ординаторскую после обеда, во время перерыва. Ни разу не спрашивал, хочет ли она, не объяснял зачем – просто стоял в дверях, засунув руки в карманы, и ждал. Она вставала, откладывала документы, надевала пальто и молча, послушно шла за ним, не задавая вопросов.

Парк был старым, как сам Хуайчень, и казался огромным, но за несколько прогулок они исходили все дорожки, и она выучила каждый маршрут наизусть.

Чаще всего они шли молча. Иногда за всю прогулку он произносил не более четырех-пяти слов: «сегодня холодно», или «сегодня сильный ветер». Чень Си кивала, поправляла воротник, и он спрашивал – «вам не холодно?». «Нет, господин Юй» – отвечала она, и он кивал, замолкая, и так они ходили полчаса, час, пока небо над парком не начинало сереть к вечеру.

Она научилась чувствовать его присутствие рядом – не физически, они не касались, но иначе. Как будто у нее внутри была стрелка компаса, которая всегда указывает на север, туда, где находится Юй Хань.

Однажды она спросила:

– Зачем вы гуляете со мной?

Его шаги не сбились. Ветер трепал полы пальто, гоняя по асфальту сухие листья баньянов; он смотрел на серую ленту аллеи, где тени перечеркивали асфальт.

– Когда я рядом с вами, я не думаю о прошлом, – сказал он наконец.

– А о чем вы думаете?

Он на секунду перестал перебирать четки и посмотрел на нее – темными, внимательными глазами, в которых не было ни холода, ни тепла, только какая-то тихая, почти безграничная усталость.

– О настоящем.

Еще через день в палате появилась доска для вэйци. Небольшая, из черного дерева, пахнущая лаком и смолой, с гладкими камнями – белыми и черными, прохладными на ощупь, как речная галька.

Юй Хань сидел в кресле у окна и смотрел на нее – как всегда, без улыбки, но почему-то казался более расслабленным, чем обычно.

– Умеете играть? – спросил он.

– Нет, господин Юй.

В доме Линь Юэ стояла похожая доска, но научить Чень Си она не пыталась ни разу. Не только потому что Сунь Лань не любила играть. «Женщину, умеющую просчитывать на пятьдесят ходов вперед никто не сочтет наивной, – сказала она тогда».

– Я научу. Садитесь.

Она села напротив. Он объяснял правила – коротко, сухо, без лишних слов, и она слушала, но запоминала не то, что он говорил. Она рассматривала его пальцы, переставляющие камни: уверенно и точно. Щелчки камня о дерево звучали привычно глухо и ритмично. Звук успокаивал, и она кивала, не перебивая, покорная и внимательная. Рядом в фарфоровых чашках дымился пуэр.

– Вы не слушаете, – заметил он.

– Слушаю.

– Повторите правила.

Она не смогла.

Он усмехнулся – первый раз не холодно, уголки губ немного дрогнули и приподнялись.

– Тогда будем играть, пока не запомните, – сказал он.

– А если не запомню? – Чень Си посмотрела на него удивленно.

– Будем играть всю жизнь.

Она не спросила – шутит он или нет, только опустила голову. Ведь правильно воспитанные девушки не флиртуют с мужчинами, с которыми не состоят в отношениях.

Он ставил фигуры не спеша, давая ей время подумать. Она проигрывала партию за партией, но он не поддавался ни разу – не смеялся, не подсказывал, просто убирал камни, складывая их в чашу, и терпеливо начинал заново.

Иногда во время игры их пальцы касались камней в чаше одновременно, и Чень Си чувствовала, как щеки вспыхивают теплом – тем самым румянцем, который она не могла контролировать. Кожа на тыльной стороне ее ладони касалась его руки – сухой и горячей, в шрамах.

– Почему именно вэйци? – спросила она однажды, после того как черные камни в очередной раз окружили белые, отрезая все пути к отступлению.

– Потому что здесь не нужно говорить, – ответил он, и черный камень упал на доску с глухим стуком. – И можно многое понять о человеке. Ваш ход.

Чень Си склонилась над доской.

– И что вы поняли обо мне?

В палате пахло кедром и остывшим чаем. Она просчитывала комбинации, но пальцы дрожали от напряжения – слишком много пустоты вокруг, слишком тихо, только тиканье часов да далекий звон трамвая за окном.

– Вы защищаете углы, но оставляете центр пустым, – тихо сказал Юй Хань, вращая в пальцах черный камень. – Вы боитесь занять место, которое вам не принадлежит, и вы всегда ждете приказа, чтобы сделать ход. Вы осторожны и терпеливы, готовы ждать, но слишком защищаетесь, когда нужно переходить в атаку.

Чень Си сделала ход, рука больше не дрожала, но внутри все сжалось.

Он первый раз сказал так много, и хотя больше не добавил ни слова, она поняла: он тоже собирает мозаику. Каждый ее жест, каждый взгляд, каждая мелкая привычка ложится на стол. И если картинка не сложится – или сложится не так, как он ожидает – догадка превратится в подозрение.

Потом помощник принес газеты и книги – свежие номера «Хуайченьского вестника», пахнущие типографской краской, и томик в кожаном переплете.

– Почитайте мне вслух, – велел он.

Она послушно читала: криминальную хронику, погоду на завтра, заметку о новых застройках в городе. Он внимательно слушал, смотрел в окно, неторопливо перебирая четки. Иногда кивал, иногда перебивал:

– Перечитайте последний абзац.

Она перечитывала, он не объяснял – почему. Буквы плясали перед глазами, но голос оставался ровным.

– Вы запоминаете? – спросила она однажды.

Она замолчала на секунду, шелест страниц прекратился. Он стоял у окна закрыв глаза, солнечный луч очерчивал его профиль, подчеркивая усталые жесткие складки в уголках губ.

– Нет, – сказал он не открывая глаз. – Я слушаю ваш голос, он... успокаивает.

Чень Си замолчала, боясь нарушить хрупкое равновесие, и в палате стало так тихо, что она слышала свое дыхание.

– Читайте дальше, – отрывисто приказал он.

И она читала до тех пор, пока не закончилась смена, он не отпускал ее. И только, когда голос совсем сел – махнул рукой.

На прогулки в парк они тоже стали брать книги. Сиделись на старую скамейку у фонтана – у каждого своя; вода в чаше журчала монотонно, смывая звуки города.

Он читал исторический роман – про войну и предательство, тяжелый, в твердом переплете. Она – роман о любви, потому что вести дневник, как приказала Линь Юэ, с каждым днем становилось все сложнее.

Не потому что не хватало фантазии, в книгах о любви действительно все было одинаковым: трепет ресниц, «она хочет его, он хочет ее», скандалы и море слез. А потому что грань между выдумкой и реальностью стиралась, она ловила себя на мысли, что хочет описать не то, что «должна», а то, что чувствует она сама.

Иногда она поднимала голову и украдкой смотрела на его профиль, не в силах представить господина Юй Ханя сгорающим от любви. Он читал сосредоточенно, без эмоций, переворачивая страницы с точностью метронома.

Они не обсуждали прочитанное. Просто сидели рядом на одной скамейке, не касаясь, переворачивали страницы, и тишина была такой плотной, что, казалось, ее можно было потрогать.

– Вы никогда не спрашиваете, что я читаю, – сказала она.

– Мне не нужно, – ответил он. – На вашем лице все написано.

– И что там?

– Удивление, – он посмотрел на книгу в ее руках, и впервые его губы изогнулись в слабом подобии улыбки.

Она захлопнула бесполезный роман с громким хлопком.

– Не всегда.

– Сейчас – да, – он отвернулся, но его глаза смеялись. Тени в уголках смягчились, делая лицо моложе и живее

Она продолжала заваривать для него чай – в маленьком глиняном чайнике, с трещиной на крышке, починенной серебром. Разливала по пиалам. Он пил, молчал, иногда прикрывал глаза, наслаждаясь вкусом, и она уже начала различать его эмоции по тому, как он ставит чашку: тихо – доволен, с легким стуком – мысли далеко.

Иногда он целый день работал – читал бумаги, какие-то отчеты, контракты с печатями клана. Она просто была рядом – больше от нее ничего не требовалось.

Чем больше времени Чень Си проводила с господином Юй, тем спокойнее становилась. Тем больше ей нравилось просто быть, просто молчать. Время в больнице текло иначе, замедляясь, как смола, и иногда ей хотелось, чтобы это никогда не заканчивалось – иллюзия, что жизнь будет такой всегда. Что у нее есть мир, созданный для двоих, куда нет доступа никому, даже Линь Юэ.

Мир за стеклом, который можно разбить одним неосторожным движением.

Господин Юй продолжал дарить ненавязчивые подарки. Теперь – лично, не через помощника и не оставляя на пороге. Когда она приходила в палату, на столе ее иногда ждала малень-

кая коробочка: изящная закладка для книг с иероглифом «благополучие», раритетный томик стихов, новая книга, упакованная в шуршащую бумагу и перевязанная шелковой лентой.

– Вам, – говорил он без пояснений и отворачивался к окну. – Спасибо за труд.

Иногда она находила подарки на своем месте в ординаторской, тоже без записок. Вышитый платок с цветами пионов, такие дарили невестам в старом Хуайчене, упаковку рисовых пирожных с пастой из красных бобов из лучшей кондитерской в центре – Сунь Лань тоже любила такие.

Она принимала, сдержанно улыбаясь, и с достоинством благодарила. А потом относила домой и убирала очередную вещь «во вкусе Сунь Лань» на самую дальнюю полку в шкафу.

Иногда ей казалось, что Юй Хань через нее дарит подарки своей бывшей невесте. Как будто хочет, чтобы она носила ее любимые вещи, пахла ее духами, ела пирожные, которые нравились ей.

Она не выбросила ничего. Линь Юэ сказала: «Пусть дарит, пусть тратит деньги, привязывается. Каждый подарок – это нить, которая связывает его с тобой».

Но Чень Си чувствовала себя пауком, который плетет сеть из чужих вещей и воспоминаний, и сам запутывается в ней.

Глава 14. Сестра Си

Чень Си наслаждалась.

Сидела на скамейке в парке одна, держа на коленях открытую книгу, и подставляла лицо солнцу – то одну сторону, то другую, с закрытыми глазами. Солнечные дни в Хуайчене редки, и еще реже теперь у нее были моменты, когда она могла быть совершенно одна.

Обеденный перерыв в последние дни был единственным временем, которое Чень Си могла назвать своим.

Господин Юй не отпускал ее ни на минуту – с утра до вечера она находилась при нем: чай, прогулки, чтение вслух, партии в вэйци. Он не объяснял, зачем ему ее присутствие, просто требовал, чтобы она была рядом. И она подчинялась – послушно, без вопросов. Но в обед, когда он отдыхал после уколов, у нее появлялся час. Час, когда за ней не следили ни его люди, ни Линь Юэ. Время, когда она могла просто выдохнуть и ни о чем не думать.

Сегодня она выбрала скамейку в дальнем углу парка, под кипарисами, отсюда не было видно окон VIP-крыла, а густая крона скрывала от главной аллеи. Никто не следил за ней, и она расстегнула застёжки на обуви. Шевелила пальцами в немного тесных туфлях и с наслаждением представляла, как вечером стянет строгое платье, распушит волосы и нырнет в тапочки.

Чжан Вея она не видела уже несколько дней. Больница отправила группу врачей в командировку в горные районы, и молодого врача Чжана взяли в поля. Никто не караулил ее в ординаторской и в парке, не провожал и не настаивал на встречах. Горные районы хороши тем, что там очень, очень плохая связь.

Этим она наслаждалась тоже. И даже привычный кофе в одиночестве и тишине казался в несколько раз вкуснее.

Парк в обед был почти пуст, пахло мокрой корой, прелыми листьями и солнцем. Тихо щебетали птицы. Она механически перевернула страницу, не читая, и закрыла глаза, услышав легкие шаги по аллее – если это знакомые, говорить не хотелось.

Шаги остановились, скамейка скрипнула – кто-то присел рядом.

Чень Си открыла глаза – девушка, под вязаным кардиганом больничная одежда. Темные распущенные волосы почти полностью закрывали бледное бескровное лицо. Легкие тапочки, какие выдавали только во втором корпусе. Тоже пациентка vip-крыла?

В парке были десятки свободных лавочек, и она уже собиралась встать и уйти, когда незнакомка заговорила.

– Подождите... Си-Си... это ты?

Голос – тихий, почти шепот, но от него волоски на шее встали дыбом.

Чень Си замерла, обернулась и крепко сжала книгу. Девушка сидела, опустив голову, пряча лицо за распущенными волосами. Когда та подняла взгляд, Чень Си заметила родинку под левым глазом – маленькую, похожую на застывшую каплю. И губы, искусанные в кровь, едва шевелились.

– Это я... Мэй... из Тайпина... Тихая заводь...

Чень Си казалось, что от трех слов ее разом швырнули в ледяную воду, и вода сомкнулась над головой, она не сразу смогла сделать вдох.

– Я увидела тебя в коридоре и сразу узнала, – торопливо продолжала шептать девушка, глотая слова. – Пошла следом... мне... мне просто не к кому больше здесь обратиться...

Мэй-Мэй. Чень Си не запоминала имен, но одна из тех трех, что тогда выбирала Линь Юэ... среди них была Мэй?

Да, это точно она. Мэй, на год старше. Они никогда не были близки – в «Особом» приюте дружба была роскошью, которую никто не мог себе позволить, но лица Чень Си помнила. Всех.

Вдалеке на аллее появились двое мужчин, одетых как охрана, они не приближались, просто расслабленно встали под деревьями, глядя в их сторону.

Люди Юй Ханя?

Чень Си посмотрела на охранников, и, опустив голову, снова неторопливо открыла книгу.

– Как ты жила, когда тебя забрала госпожа Линь? – тихо спросила Мэй.

Чень Си думала, как ответить на этот вопрос.

С чем сравнивать? С приютом? С клеткой у Линь Юэ? У нее не было выбора. У Мэй, видимо, тоже.

Она могла бы рассказать, что она годами училась быть другим человеком, и каждый день боялась быть «списанной в расход», но посмотрела на забинтованные руки Мэй, на ее впалые щеки и ответила ровно и коротко:

– Жива, – разом признавая все сразу – и Тайпин, и их общее прошлое. – Эти двое в конце аллеи следят за тобой?

– Да... – едва слышный голос Мэй-Мэй задрожал, готовый сорваться на плач.

Чень Си незаметно выдохнула.

– Не смотри на меня, смотри в книгу, – скомандовала она, перевернув очередную страницу. – Зачем ты меня нашла?

Девушка сидела, опустив голову, пряча лицо за распущенными волосами, губы едва шевелились.

– Меня продали старику, потом его убили за долги. Потом... отдали в уплату господину Се и привезли в Хуайчень, – она всхлипнула. – Я здесь никого не знаю, мне не к кому обратиться... мне нужны деньги, чтобы сбежать... помоги мне, Си-Си...

Чень Си видела, как дрожат ее пальцы – худые, с обломанными ногтями, и как Мэй сжала их в кулаки на коленях, пытаясь унять дрожь. Кофта задралась и она снова увидела ослепительно белоснежные бинты на запястьях.

– Си-Си?

– Господин Се – это один из местного клана Се?

Чень Си не увидела, но почувствовала, как та кивнула, распущенные волосы колыхнулись.

– Се Чжисюань.

– Это его охрана? Он послал следить за тобой? Это ты новая пациентка из девятой палаты?

– Да, да, – хрипло и тихо отозвалась Мэй-Мэй.

Чень Си никогда еще не думала так быстро.

Тайпин, Линь Юэ, Юй Хань. Четыре мешка в фургоне у храма. Мэй – угроза, Линь Юэ не допустит, чтобы что-то мешало... но если бы не случай, на месте Мэй сейчас сидела бы она – Чень Си, а Мэй работала бы в больнице, и ухаживала за господином Юй.

И почему это именно Се Чжисюань?

Чень Си почувствовала, как ей не хватает воздуха. Как не вовремя!

– Помоги, умоляю... Я сбежала три дня назад, – Мэй говорила быстро, как будто боялась, что ее перебьют. – Но меня нашли... он всегда находит, его люди везде... Мне нужны деньги, помоги... – голос Мэй рядом сорвался на плач

– Успокойся, – скомандовала Чень Си сквозь зубы и сама услышала в своем голосе тон Линь Юэ. – Смотри в книгу и читай.

Всхлип оборвался, как будто его проглотили, рядом зашуршали страницы, но она слышала, что Мэй тихо плачет, почти беззвучно.

Чень Си почувствовала беспомощность и раздражение, разве приют не отучил их плакать – слезы никогда и ничего не решают, только привлекают лишнее внимание.

Она молчала, переворачивая страницу за страницей. В голове крутились цифры – ее сбережения, которые она копила на «свободу после задания». Линь Юэ убила бы ее, если бы узнала. Но Линь Юэ здесь не было.

Чень Си смотрела на нее и видела себя. Такой же товар, ее тоже могли бы продать, если бы Линь Юэ не выбрала ее для этого задания. Разница была только в цене.

«Если я сейчас откажу, я стану такой же, как они. Но если помогу и Линь Юэ узнает...».

Мэй заплакала. Тихо, почти беззвучно, вытирая слезы тыльной стороной ладони, чтобы не размазывать по лицу.

– Как я передам тебе деньги, за тобой следят, – шепотом спросила Чень Си.

Плач резко оборвался.

– Помнишь, как мы прятали сладости в приюте? – Горячно зашептала Мэй, глотая слова.

Чень Си помнила. Вырезать середину учебника, сделать тайник. Детская хитрость, ставшая навыком выживания.

– Завтра встретимся здесь в обед, – в голосе Мэй звучала отчаянная надежда.

– Не здесь, скамейка за главным фонтаном, – перебила Чень Си. – И куда ты поедешь?

– Не знаю, – голос Мэй стал совсем тихим, но в нем звучала отчаянная решимость. – У меня нет документов, но я знаю, что здесь меня убьют... я не хочу так жить.

Чень Си помедлила, глядя на кончики своих туфель, и перевернула еще одну страницу.

– Линнань, – произнесла она, шевеля губами, словно читая вслух. – Поезжай туда, это старый город, там можно снять комнату без бумаг. В порту можно договориться с перевозчиками – спрячься в трюме, и исчезни.

Она сама когда-то просчитывала в уме для себя этот маршрут.

– Денег хватит на полгода, если будешь тихой и не будешь высовываться.

Мэй тихо согласно загнула губы.

– Запомни, ты меня не знаешь, и никогда не видела. Люди Линь Юэ везде, и в больнице тоже, – озвучила Чень Си то, что никогда и никому не могла сказать. – Те, кто стоят за ней убьют тебя раньше, чем настанет очередь Се Чжисюаня. Хочешь сдохнуть быстро, просто открой рот, – закончила она жестко.

После пары секунд ошеломленного молчания Мэй закивала:

– Обещаю, никогда ни слова о тебе...

Чень Си поднялась, забрала книгу и медленно пошла к корпусу, не оглядываясь.

Вечером она выгребла из копилки все, пересчитала, и оставила себе половину, остальное – Мэй. Все ее сбережения, почти все, что она откладывала «на потом».

Чень Си взяла старый роман и аккуратно вырезала ножницами углубление в страницах, вложила конверт с деньгами, заклеила края. На пальце остался бумажный порез, но она даже не почувствовала боли.

Когда она закончила с книгой, зазвонил телефон. Она что-то говорила Линь Юэ, отвечала, но совершенно не помнила что, когда она положила трубку, пальцы дрожали.

Чень Си долго смотрела на телефон. Сдать Мэй Линь Юэ – правильно, пока Мэй рядом – это опасность. Может они просто увезут ее подальше? Ей даже не придется ничего решать, все решит Линь Юэ, ей нужно просто набрать номер.

Но она так и не смогла снова нажать вызов.

Чень Си смотрела на Мэй и видела себя. Если бы Линь Юэ не выбрала ее, то сейчас Мэй решала бы жить Чень Си или умереть.

Сдать Мэй – это как сдать саму себя. Пару лет назад, когда Линь Юэ напилась, она говорила о свободе, о том, что выполнив задание они отпустят ее. И она глупо поверила в это, и жила этой надеждой, но сейчас эти иллюзии исчезли.

Никто ее не отпустит.

Если она достанет то, что они хотят получить, она – свидетель, слишком много стоит на карте; если не достанет – она бесполезный инструмент, который знает слишком много. А если господин Юй когда-нибудь узнает, зачем она приблизилась к нему... вряд ли она доживет до вечера.

А если сейчас Линь Юэ узнает о Мэй, она просто убьет ее. Если Линь Юэ не узнает, но информация о Тайпине всплывет, убьют уже ее – Чень Си, потому что она станет бесполезна.

Чень Си сомневалась, что Се Чжюань, стал бы убирать Мэй, хотел бы – сделал бы раньше, а не размещал в вип-корпусе лучшей больницы Хуайчэня и не оплачивал лечение. Но как только узнает Линь Юэ, или те, кто стоит за господином Чу... Мэй не проживет и дня.

И она – тоже.

Она не может освободиться, но Мэй может попробовать. Если хоть кто-то сможет вырваться из этого...

Чень Си долго смотрела на телефон и книгу рядом на столе, потом вздохнула и решительно разорвала запечатанный конверт. Половины денег ей может не хватить. Она выгребла из копилки вообще все, оставив себе только на проезд до зарплаты, и снова упаковала, тщательно заклеив верхние страницы.

А затем взяла чистый лист и села писать все, что могло помочь Мэй спрятаться так, чтобы ее никогда не нашли; все что она знала о Линнэне и все, что успела собрать.

Все, что планировала для себя.

На следующий день после обеда она снова вышла в парк, Мэй уже ждала на скамейке за большим фонтаном в тени, сжимая в руках потрепанный томик.

Она устроилась рядом и открыла книгу, делая вид, что читает.

– Уходи через пять минут, – тихо сказала Чень Си. – И уезжай, сразу, и никогда не возвращайся в Хуайчэнь. Если кто-то узнает, что мы знакомы, в расход пустят обоих... ты умрешь раньше, чем до тебя доберется господин Се. Люди Линь везде, и те кто стоит за ней тоже...

– Поняла, – шепнула в ответ Мэй-Мэй, и голос звучал куда бодрее, чем вчера. – Спасибо... сестра Си...

Мэй понизила голос и Чень Си наклонилась ниже к книге, чтобы расслышать, что она говорит.

– ...номер... это телефон человека, которому можно доверять. Это друг, скажешь от бетонной Мэй-Мэй из двести-третьей – он поможет. Денег у него нет, но он многое может. Я не могу к нему – там сразу начнут искать. Это все, чем я могу отплатить...

Мэй посидела еще минуту и встала, взяв со скамейки книгу Чень Си. Они обменялись, даже не взглянув друг на друга. Два призрака, передающие друг другу часть своей жизни.

Мэй едва заметно кивнула ей на прощание, не поднимая головы, и быстро зашагала прочь. Ее спина казалась еще более хрупкой, походка – неуверенной. Она исчезла за поворотом аллеи, словно ее и не было.

Чень Си осталась на скамейке, дожидаясь, пока охрана снова потеряет к ней интерес. Открыла книгу и начала медленно листать страницы. В середине лежала записка – клочок бумаги с оборванными краями, и на нем неровным почерком несколько цифр – номер телефона.

Чень Си запомнила цифры, повторив наизусть, и затем тщательно порвала на мелкие кусочки, выкинув в ближайшую мусорку у скамейки.

На выходе из парка ее остановил старший врач отделения, в котором она работала до того, как ее перевели в вip – седой мужчина в безупречно белом халате и костюме под ним. Он строго и оценивающе посмотрел на нее поверх очков.

– Госпожа Чень.

Она повернулась. Она не знала, кого напоминала ему – дочь или внучку, но он часто заботился о ней, дарил конфеты “чтобы поднять сахар в крови”, и всегда терпеливо отвечал на любые вопросы.

– Старший Суй, – Чень Си уважительно поклонилась, прижав к груди книгу Мэй.

– Я вижу, вы часто сопровождаете господина Юй, – перешел он сразу к делу. – Это... необычно для персонала.

– Меня перевел заведующий отделением и дал особые указания, ничего личного.

Он нахмурился.

– В Хуайчене «ничего личного» не бывает, когда речь о семье Юй. Они не подпускают посторонних, даже врачей, а вы... – он окинул ее взглядом, от тупель до заколки в волосах, – Репутация молодой девушки важнее работы, Чень Си, – в его голосе слышалась искренняя забота. – Эта больница не единственное место в городе, где можно работать, нет необходимости выполнять... – он замаялся, подбирая слова. – Если вас попросят сделать что-то оскорбительное или неподобающее, не стоит терпеть, сразу приходите ко мне, я смогу решить вопрос с заведующим, – закончил он твердо.

Чень Си замерла, удивленная заботой.

– Я поняла, Старший. Сейчас я просто делаю свою работу... и благодарю, – она еще раз уважительно поклонилась.

Суй кивнул.

– Помните: в их кругах внимание – это не комплимент, а испытание. Вы... – он бросил быстрый взгляд на книгу, которую она прижимала к груди, – слишком домашняя девочка, чтобы разбираться в этом.

Он ушел, положив ей на ладошку привычную простую карамельку, “для поднятия сахара в крови”.

Чень Си смотрела на дешевую конфету в руке, и глаза почему-то запекло, и захотелось плакать. Она спрятала карамель в карман халата, глубоко вздохнула и заставила себя улыбнуться.

Когда она вернулась с обеда, улыбка уже исчезла, и еще до того, как перешагнула порог палаты, ее встретил допрос.

– Где вы были? – спросил Юй Хань, не глядя на нее.

– В парке, господин Юй. Обеденный перерыв.

– Одна?

– Да.

Он поднял глаза, снял очки и долго молча смотрел, и у Чень Си опять появилось ощущение, что ее взвешивают на невидимых весах, каждое из слов, которые она произнесла.

– У вас больше нет свободного времени, – сказал он наконец. – Пока вы со мной, все свое время будете посвящать мне.

Не просьба и не приказ, а снова констатация факта, который он не намерен обсуждать.

– Хорошо, господин Юй.

Чень Си отошла к столу и начала собирать на поднос посуду после обеда. Юй Хань встал сзади с книгой в руках – той самой, которую она забрала из парка и положила на столик. Он быстро перелистывал страницы, не глядя на нее.

– Вы это читали сегодня? – спросил он.

– Да, господин Юй, – Чень Си уронила чашку на поднос – фарфор жалобно звякнул.

– Интересно?

– Очень.

Он поднял глаза и усмехнулся – только уголками губ.

– Правда?

Она не ответила, молчание было лучшим щитом.

Он закрыл книгу и протянул ей.

– Тогда почитайте мне вслух, раз это так интересно.

Юй Хань повернулся к окну, заложив руки за спину.

Надписи на потрепанной обложке не было, она раскрыла книгу на первой странице и увидела название: “Сто рецептов традиционной Сычуанской кухни”.

Мэй-Мэй!!!

– Ледяное желе “Бин фен” с коричневым сахаром... взять... – она начала читать, тщательно контролируя тон голоса.

– И давно вы начали интересоваться кулинарией? – спросил Юй Хань, глядя в окно, когда она прочла два рецепта. Он стоял заложив руки за спину, и спрашивал, как учитель нерадивую ученицу, которая врет, что выучила урок.

– Недавно, – мягко ответила Чень Си и закрыла книгу. – Меня интересуют рецепты. Не только сычуанской, но и кантонской, шанхайской кухни. В чайной хотели разнообразить десерты и выбрать простую выпечку.

– Вот как. Вы удивительно заботливы, тогда читайте.

Чень Си опустила глаза вниз, чтобы не выдать выражение, открыла раздел десертов и начала читать тщательно выговаривая слова:

– “Лебединое яйцо” – шарики из клейкого риса в карамели. Клейкая рисовая мука сто грамм, рисовая мука двадцать грамм, теплая вода восемьдесят пять грамм...

Она читала, пока за окном не начало темнеть, он так и не разрешил прерваться. Но когда она закрыла книгу и поднялась, его голос догнал ее у самой двери:

— Завтра начнём с шанхайской кухни. Спокойной ночи, госпожа Чень.